

18+

СЕРГЕЙ ПОПОВ

Твоя игра

Реваниш

Сергей Попов

Твоя игра. Реванш

<https://litres.ru/74161073>

ISBN 9785007065603

Аннотация

Девять лет назад Оля и Сергей спасли дочь Юлю от тьмы. Но однажды девочка задаёт вопрос, разрушающий иллюзию благополучия: «Почему я ни разу не слышала от вас „я люблю тебя“?» С этого момента возвращается «Твоя игра» — мистический виртуальный мир, где кошмары становятся явью, и родителям предстоит встретиться с призраками прошлого, ответив на страшные вопросы: любят ли они друг друга на самом деле и готовы ли пожертвовать собой ради искупления грехов, которых, возможно, никогда не совершали?

Содержание

Пробуждение	5
Возвращение в «Твою игру»	16
Путь к Мечте	25
Встреча с милордом и его женой	57
Дома у Ильи и Настасьи	66
Илья и Настасья узнают правду	74
Уровень 1	83
Кошмар Оли: смерть и любовь	84
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Твоя игра. Реванш

Сергей Попов

© Сергей Попов, 2026

ISBN 978-5-0070-6560-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пробуждение

Сквозь плотные занавеси едва пробивался свет начинавшего всходить солнца. Было раннее утро воскресенья. Последнее воскресенье в мае. Сумрак медленно растворялся. Висевшие на стене часы секунду за секундой отсчитывали время, уносящее в прошлое безмятежный сон Оли и Сергея. Тепло, наполнявшее комнату, окутывало тела спящих. Будильник выключен. Сегодня можно поспать подольше. Ну или просто понежиться в кровати, наслаждаясь теплом.

В комнате было тихо, лишь часы нарушали тиканьем эту атмосферу уходящего в тёплый свет сумрака. Но этот звук приятен, он дарит спокойствие, пусть и напоминает о том, что всё, и плохое, и хорошее, уходит в прошлое. Серость отступает всё больше, скоро время пробуждения. Мозг вот-вот даст команду телу, что оно (и он тоже) отдохнуло и можно просыпаться, чтобы насладиться прекрасным солнечным тёплым днём. Но опережает его голос:

— Мама, папа, почему я ни разу не слышала от вас «я люблю тебя»? — спросила девятилетняя девочка, стоя у кровати своих родителей.

Оля и Сергей проснулись одновременно, словно по команде. Прозвучавший вопрос сработал будто будильник, однако сон родителей Юли как рукой сняло. Они посмотрели на дочь и сразу оторвали головы от подушек, сели в кровати,

переглянулись.

«Ты видишь это?» — спрашивал взгляд Сергея.

«Да, вижу», — ответил взгляд Оли.

— Вы думали, что славянский обряд остановит меня? Что вы укрепите свои узы и всё так просто закончится? Или что я просто исчезла навсегда? — девочка криво и насмешливо улыбнулась. Однако глаза её ничего не выражали. Они были белёсыми, словно в них вставили фарфоровые линзы, в которых ничего не отражалось. — Я ведь говорила, что стану сильнее и отомщу. И теперь готова к реваншу, — и повторила: — Мама, папа, почему же я ни разу не слышала от вас «я люблю тебя»?

Оля и Сергей моментально вспомнили события девятилетней давности, как будто это было вчера. Особенно слова светлой половинки Юли о том, что тёмная она уже уничтожила всех своих родителей во всех вселенных, во всех мирах, настолько велика её обида и ненависть к своим настоящим родителям-алкоголикам, другим Оле и Сергею. Они дважды отказались от неё, выбросили из своей жизни, словно мусор, ненужную игрушку, сдав оба раза в приют, и она разделилась на светлую и тёмную, покинув своё тело в мире с ненавистными ей родителями. Более того, она всем отомстила до того, как Оля и Сергей из последнего оставшегося мира познакомились, и её целью стало уничтожить их до того, как они станут её родителями. Они вспомнили своё знакомство, с которым им помогла светлая Юля, и как Оля на-

училась контролировать и применять свои силы, которыми она, сама того не зная, владела. Как они перемещались в другие миры, пытались одновременно спастись от тёмной Юли и помочь ей и, конечно, тот самый обряд, который провели в одном из миров — в деревне счастья.

И они действительно рассчитывали, что, связав друг друга с помощью славянского обряда венчания, помогут и Юле: докажут ей, что любят друг друга и её. Что если она будет зачата в любви, будет желанной, то это избавит её от ненависти, уравновесит её тёмную и светлую стороны. Поэтому они сразу поняли, что Юля спрашивает про них: почему они ни разу не говорили «я люблю тебя» друг другу.

Но ведь они многократно говорили эти слова друг другу — что не так? Однако сейчас вдруг осознали, что не знают, что ответить. Словно какой-то щелчок в мозгу заблокировал ответ, пробудил сомнение. Оба почувствовали смятение и тревогу. С другой стороны, в последнее время они и правда не говорили друг другу этого. Может, потому что им этого не требовалось, ведь они и так всё выражали без слов? Или потому, что им до смерти надоели эти банальные слова, которыми люди так часто разбрасываются, не понимая, что они значат?

Юля словно прочитала их мысли:

— А может, потому что в каждом из вас есть гнильца, которую вы не хотите замечать? В которую не хотите верить? Она засмеялась. Не потому, что было смешно, — это был

издевательский смех, холодный, злорадный. И тут зрачки девочки будто выкатились из-под верхних век — она стала зрячей.

— Мама, папа... Во мне сидит чёрт, — произнесла Юля слабым голосом.

Её качнуло, и она начала падать. Сергей едва успел отреагировать. Он сорвался с кровати, бросившись подхватить дочь, чтобы защитить от удара головой о край стола. «Дочка!» — испуганно вскрикнула Оля, тоже метнувшись к Юле и вытянув руки вперёд. И краем глаза увидела нечто искажённое в экране телевизора, стоявшего у стены перед кроватью. Она инстинктивно резко повернула голову. Сергей успел схватить Юлю за руку, но из-за своего же резкого движения не удержал равновесие и стал падать вместе с девочкой. Отвлёкшаяся Оля почувствовала ладонью дерево стола и силу, с которой произошёл толчок — стол на колёсиках резко отъехал в сторону, громко ударившись о шкаф.

Сергей и Юля вместе упали на пол. Сергей прижимал к себе дочь и вопросительно смотрел на Олю, от которой никак не ожидал, что она оттолкнёт стол. Ну да ладно! Как Юля? Не поранилась ли? Нет, кажется, всё в порядке. Но глаза закрыты.

Сергей взял её на руки и пошёл с ней в её комнату. Там он положил её на кровать и, наклонившись к ней, прошептал:

— Дочка, мы просто хотим, чтобы ты была счастлива. И всё.

Он поцеловал девочку в лоб, после чего вернулся к Оле. Оля стояла на коленях и выглядела опустошённой, её голова была опущена. «Как я могла... Как я могла отвлечься? А если бы... Что же со мной вдруг произошло?» Она посмотрела на свои руки, после — на Сергея. Её заслезившиеся глаза блестели.

— Неужели она права, Серёжа? Неужели в нас и правда есть гнильца?

— Не знаю, возможно, — он с участием посмотрел на Олю и присел рядом. — В любом человеке есть гнильца, какой-то мрачный секрет или секреты. Не думаю, что мы исключение.

— Но я всё равно хочу помочь ей.

— Не только ты, я тоже, — и добавил: — Раз уж... «она», видимо, пробудилась...

Оля опустила глаза и прошептала:

— Или вернулась.

Сергей обнял её и сказал успокаивающим тоном:

— Как бы то ни было, поможем ей вместе.

Они стояли на коленях, смотрели друг другу в глаза, и всё вокруг словно погрузилось во тьму, кроме их собственного малого круга, в котором они находились для поддержки друг друга, ощущая свою слабость под названием «гнильца», и слабость эта заключалась в понимании: они ни разу не произнесли в последнее время «я люблю тебя», ибо такие слова произносятся только в таком случае... Они не знали — в каком, даже несмотря на то что раньше часто говорили их

друг другу. Казалось бы, достаточно просто почувствовать что-то светлое, прекрасное, и эти слова вырываются сами по себе, но Оля и Сергей ограничивались только комплиментами, подарками, объятиями, и стоило случиться какому-то порыву, что влечёт за собой признание, то сразу включался некий блок, что-то запрятанное глубоко в их душах.

Что же так их ограничивает, что мешает сказать такие простые и вместе с тем такие сложные слова? И правда ли нужно объяснение, знание или же достаточно просто выразить то, что они чувствуют в данный момент? Но если они любят только в данный момент, только здесь и сейчас, то любовь ли это? Является ли любовь просто эмоциями или чувством, которое продолжается какое-то время, или это нечто постоянное, бесконечное и они просто не испытывают эту бесконечность? Возможно, про любовь что-то знала только их дочка, которая сейчас лежала (может, спала) в своей кровати, всеми силами стараясь не поддаваться своей более сильной тёмной части.

И Сергей попробовал противоестественно разрушить проклятый круг.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Произнести подобное было очень легко, но ни Оля, ни он сам не поверили в искренность этих слов. И всё же Оля не хотела верить, что он неискренен, поэтому попросила повторить.

И он усугубил:

— Я люблю тебя.

И сразу понял, что лучше бы не говорил. В тот же момент они слышали пронзительный крик девочки. Ни слова — только крик, словно от нестерпимой боли. Оля и Сергей сорвались с места, ринувшись в комнату дочери, и увидели её уже не в кровати. Она стояла перед ними и улыбалась. Смотря на Сергея, спросила насмешливым холодным тоном:

— Любишь? — затем Оле: — И ты?

И сразу голос её изменился, стал слабым, но тёплым и как будто умоляющим:

— Илья... Механический город...

Из глаз девочки покатались слезинки, но на этот раз она спокойно легла в кровать.

«Какую же страшную ошибку я совершил», — с ужасом подумал Сергей.

«Неужели мы и правда только притворялись, что любим друг друга?» — подумала со слезами на глазах Оля.

У каждого в памяти вновь пронеслись события прошлого. Обряд, секс, рождение Юли, столько счастья, столько радости, пусть и нарушаемые редкими ссорами. И такое облегчение, что тёмная Юля больше не появится...

Она поклялась отомстить и исчезла. Как же Оля этого не учла, почему? Не любовь, но влюблённость настолько ослепляет? Или они просто привыкли друг к другу?

— Муж мой, — обратилась Оля к Сергею.

— Что? — удивлённо посмотрел он на неё — она нечасто

так его называла.

— Мы и правда не любим друг друга?

Сергей опустил глаза, его губы вздрогнули и сжались. Но он же сам когда-то сказал: «Я очень люблю вас!» Его пальцы сжались в кулаки. Когда-то давно темноволосая Юля сказала ему, что другая она использует одиночество родителей, которые всегда найдут энергию для ссоры, но не для любви и их ребёнка.

— Чёрт... — произнёс он.

— Она стала сильнее благодаря нам же.

— Что же нам делать?

Оля посмотрела на дочь, потом повернулась к Сергею. Он всё понял.

— Что ж, надеюсь, Илья ещё в Мечте. Но как нам туда попасть?

— Думаю, через игровой форум...

— А, да, он как-то упоминал про один. Правда, мы редко о форумах говорили, — задумчиво произнёс Сергей. — Но, думаю, это тот самый, где и я зарегистрирован.

Они вышли из комнаты. Юля осталась лежать неподвижно, словно просто спала. Лицо её было немного бледно, но так умиротворённо, словно она видела сладкие сны. Если бы это было так...

Ноутбук стоял на столе. Оля и Сергей посмотрели на него так, словно он был ключом к спасению Юли. Они обошли кровать. В окно ярко светило майское солнце, хотя время

было довольно раннее.

— Как будто вернулась в то утро, когда всё началось... — прошептала Оля.

— Что? — спросил, обернувшись, Сергей.

— Нет, ничего, — поспешила ответить она.

— Что ж, начнём. Пусть всё получится.

Сергей включил ноутбук и открыл браузер. Щёлкнул по адресной строке, и его пальцы зависли над клавиатурой.

— Блин, не помню...

Внешний вид главной страницы он помнил, однако адрес успел забыть — всё-таки нечастый посетитель. Он открыл окно проводника, перешёл в «Мои документы», где в обычном текстовом документе под говорящим названием «Пароли» хранил все адреса сайтов и регистрационные данные. Даже понимая, насколько это небезопасно, он настолько ленился что-то предпринять для защиты данных, хоть на это и требовалась всего пара минут, что уже многие годы у него так всё и продолжало храниться в обычном текстовом документе. Впрочем, обычный среднестатистический человек, по убеждению Сергея, вряд ли уж очень кому-то там нужен, чтобы взламывать его и красть этот маленький документ. Да и намного привычнее и быстрее просто открыть файл без надобности вводить пароль или проходить ещё какую-нибудь идентификацию.

Пришлось немного напрячь память, и через несколько минут Сергей нашёл нужную запись. Выделил адрес форума,

скопировал его, всё при том же понимании, что данные сохраняются в буфере обмена, пока не будут затёрты, и всё при том же убеждении, что эти данные и даром никому не нужны. Вставил в адресную строку, после загрузки страницы те же действия проделал с паролем, поскольку браузер предложил вставить сохранённый адрес электронной почты в строку для логина. А вот пароли почти всегда Сергей генерировал такие, что никогда их не запоминал и не сохранял в браузере (потому и записывал в документе). Он закрывал глаза и беспорядочно нажимал на клавиши. Пароли абсолютно ни с чем не ассоциировались и получались достаточно длинными, не менее 12 символов.

Он кликнул на «Вход» и...

...они с Олей увидели, что логин или пароль неправильный.

— Что? — удивился Сергей. — Ну ладно, попробуем ещё раз, может, символ не выделил какой...

Вернувшись к документу, он увидел, что символы выделены все, но попробовал скопировать ещё раз — мало ли, вдруг операция не сработала.

Нет, результат тот же. Сергей был немного обескуражен.

— А ты пароль не менял? — спросила Оля.

— Нет, не помню такого. Я, правда, давно не заходил, может, удалили из базы. Хотя вряд ли... Ладно, попробую восстановить, — сказал он, направляя курсор к ссылке «Забыли пароль?».

Клик по ссылке — и вдруг все окна исчезли, остался только пустой рабочий стол. Не было всего разнообразия иконок, даже обоев, лишь чёрный экран. А прямо посередине, словно бельмо на глазу, контрастно красовалась белая иконка «Твоя игра».

Возвращение в «Твою игру»

Оля и Сергей посмотрели друг на друга, затем опять на рабочий стол, на иконку. Казалось, оба потеряли дар речи.

— Что ж, теперь я знаю, как выглядит иконка «Твоей игры»... — тихо произнесла Оля.

— Ага, — на автомате ответил Сергей. — Только вот я не скачивал и даже не пытался искать её.

— Похоже, Юля хочет, чтобы мы запустили её.

Одновременно они посмотрели в сторону комнаты, где лежала девочка, и ясно почувствовали, что она улыбнулась, подтверждая правильность догадки. Оля взяла Сергея за руку. Он подвёл курсор к иконке, сделал двойной клик и тут же вспомнил, что Илья был найден в бессознательном состоянии.

— Оля, принеси себе быстро стул со спинкой!

Сам Сергей сидел в кресле. Оля моментально поняла, зачем именно такой стул, и через несколько секунд уже сидела рядом с мужем, облокотившись о спинку.

Знакомая чёрно-белая графика. Очертания потолка, люстра, узор на обоях. Вид с точки зрения действующего персонажа: тумбочка у окна, шторы. Камера поворачивается: шкаф с учебниками, разными книгами, возле него стол, на котором очки виртуальной реальности, компьютер. Движение камеры продолжается — персонаж садится на кро-

вать. Встаёт, поворачивается направо, идёт к дверному проёму. Минует небольшой коридор. Попадает в комнату, где сидят Оля и Сергей. Проходит мимо незаправленной кровати. Останавливается между ними, хоть это и кажется невозможным, ведь они сидят почти вплотную. Их как будто парализовало. Оля понимает, что не может сопротивляться. Оба видят на экране опущенную голову светловолосой девочки без тела, зависшей между ними. Она начинает медленно приближаться к ним из экрана, перемещаясь за его пределы. И вдруг экран ноутбука гаснет, паралич проходит, и Оля с Сергеем слышат игривый голос Юли: «Что, испугались?»

На экране — меню игры. Всего два пункта: «Новая игра», «Выход».

— Давай! Не будем тянуть, — проговорила Оля, пытаюсь скрыть волнение. Ей не хотелось начинать игру, но хотелось избавиться от давящего чувства собственной беспомощности, нарушить тишину, сделать хоть что-то для отвлечения. Она осознала, насколько Юля стала сильнее, и произошедшее сейчас — лишь небольшая демонстрация. И раз она захотела, чтобы родители запустили «Твою игру», значит... Сергей словно прочитал мысли своей жены: «Видимо, игра получила большое обновление...» Ни слова не говоря, он щёлкнул по «Новой игре».

Показалось, что игра вылетела. Словно произошла ошибка. Но даже Оля увидела очевидную разницу — рабочий стол, как и иконки на нём, был чёрно-белым. Сергей навёл

курсор на иконку браузера и дважды щёлкнул. Открылась главная страница форума. Сергей щёлкнул по кнопке «Войти» и вручную ввёл адрес электронной почты. Пароль скопировал из текстового документа с паролями. Началась загрузка.

«Как долго...» — подумал Сергей. А потом...

— Дверь? — вслух произнёс он.

Оля смотрела, не понимая, что происходит.

Чёрно-белые кирпичи по обе стороны от двери. Сергей двинул мышью, камера немного повернулась. Стена. «Словно для каждого кирпича своя текстура. Что за...» Ни одного похожего. Сергей ещё раз двинул мышь. Рядом с ним девушка. Сергей обернулся. Экран ноутбука остался вне поля его зрения, он увидел свою жену. Оля сказала:

— Я тоже не люблю тебя.

«Какой красивый голос... — подумал Сергей. — Она не любит меня, но какой красивый голос! Только из-за её голоса я хочу её!»

Одолеваемый самыми похотливыми чувствами, Сергей смотрел на жену развратным взглядом. Чёрно-белый силуэт красавицы жены, оупляющий разум и вызывающий лишь животный инстинкт самосохранения, называемый желанием оплодотворения, но сейчас это только извращение: никакой любви, никаких высоких чувств, придуманных человеком или богом, исключительно жёсткий разврат и изнасилование собственной жены, словно она шлюха, которая подчи-

няется только тем, кто сильнее, кто может позволить и позволяет себе пользоваться грубой силой по отношению к слабым, ибо они не могут сопротивляться и причинить вред. Раз я сильный, то могу получить всё и всегда. Так чем он хуже тех уродов, которые насилуют и кончают в рты захлёбывающимся в собственной рвоте шлюхам, получающим удовлетворение от безудержного секса? Он тоже может избить свою жену, раздвинуть ей ноги, открыть ей рот, получить удовлетворение, и она потом будет только благодарить его, потому что она грёбаная шлюха, которая ещё просто не знает, насколько ей нравится насилие.

Сергей очнулся от удара по щеке.

— Я понимаю тебя, — с участием сказала Оля. Её глаза были полны грусти. — Но я не хочу. Прошу тебя, не надо...

Сергей увидел себя сверху на жене, между её ног. Её блузка была разорвана, груди обнажены, а трусики спущены до колен. Из глаз Оли катились слёзы. Правая грудь поцарапана, выступила капелька крови.

— Что же со мной происходит?.. — хриплым голосом произнёс Сергей. Только сейчас он ощутил липкую жидкость на щеке. На грудь Оли капнула кровь.

— Оленька, милая моя, я не знаю, что произошло, я не знаю... не знаю, не могу объяснить, и нет мне прощения!

Сергей вскочил с пола и рванул из комнаты. Оля лишь протянула руку: «Муж мой...»

«Почему я так слаба? — и посмотрела на экран ноутбука.

— Прошу, хватит... » — шёпотом взмолилась она. Медленно поднялась, не в силах сделать это быстрее, дрожащими руками надела обратно бельё. Она не видела, как на экране ноутбука идёт к Сергею, как он наносит себе удар ножом по руке, как она с силой обнимает его, несмотря на нож, направленный в её сторону, как перевязывает ему руку, как они вместе возвращаются в комнату...

И всё.

Словно ничего не было. Оля смотрит на себя, на мужа, на его руку — ничего. Немного бледен, серьёзен, смотрит чуть поверх очков; левая рука на столе, но бинта нет. «Юля показала своё желание или то, что она пережила с другими нами? Но как она смогла показать это мне?» Оля была в замешательстве и покачала головой.

— Эй! Оля! — окликнул её Сергей, немного тряхнув за плечо.

— А? — она взглянула на него растерянно.

— Что с тобой? Ты побелела.

— Да нет, ничего, просто немного голова закружилась. Переволновалась.

— Понимаю, самому как-то не очень. Но всё будет хорошо, ясно? Мы справимся! — Сергей ободряюще улыбнулся, обнял одной рукой Олю за плечи.

— Да, ты прав, всё будет отлично, — она поцеловала его в губы. Однако вопросы, вызванные увиденным, не покидали её.

Сергей щёлкает по словам «Новая игра». Он стоит перед большой деревянной дверью. Рядом Оля. Невероятная детализация, чёткая прорисовка персонажа. Идеальные линии, плавные, без зазубринок, изгибы, столь выразительные глаза, полные соблазнительные губы, падающие на плечи волнистые волосы, даже обычное домашнее платье, которое, казалось, подчёркивало стройную фигуру — всё безупречно, чётко, идеально. Сергей засмотрелся на чёрно-белую Олю. В жизни он её такой не может видеть. Такой желанной, такой прекрасной. Персонаж Оли опустил голову, как будто посмотрел на свои туфли.

— Ну хватит, ты меня смущаешь, — раздался её голос рядом с Сергеем. Он словно очнулся и посмотрел на реальную Олю.

— Это просто невероятно! — восхитился он. — Ты такая... — посмотрел на экран. — ...Красивая... В смысле, нарисована просто потрясающе, — поспешил добавить. И покраснел.

— Жаль, что ты не можешь видеть меня так чётко в жизни, — спокойно сказала Оля. — Но спасибо, мне приятно, — она мягко, но с оттенком грусти улыбнулась.

— Э-э-э... Ладно, давай осмотримся.

— Подожди, хочу кое-что проверить. Дай мне мышку.

Сергей молча убрал руку с мышки. Оба увидели, что камера переместилась немного назад и вверх — теперь они всё видели отстранённо, как наблюдатели, а не участники

событий. Оля обхватила рукой мышку. Камера переместилась к ней, и теперь она смотрела глазами своего персонажа. Огляделась, затем стала рассматривать персонажа Сергея, одетого в обычные спортивные штаны и футболку, которые всё равно, казалось, подчёркивали его спортивное телосложение; засмотрелась на его мужественное лицо со стильными очками, вгляделась в его глубокие глаза...

— Теперь я понимаю. Ты прав. Так красиво... — произнесла отстранённо Оля, глядя в экран.

Сергей коснулся её руки. Оля посмотрела на него. Этот взгляд полностью раскрывал ему его собственный всего минуту назад. Там они друг для друга *красивее*, чем здесь. Оля отпустила мышку. Камера вернулась к персонажу Сергея. Он огляделся.

Стена из чёрно-белых кирпичей уходит влево, вправо и вверх, словно бесконечная. Ни одного кирпича, похожего на другой, — отметил ещё раз Сергей. Только трещины, неравномерно расползшиеся во все стороны, словно стену пытались безуспешно разрушить. Позади тьма. Сначала он подумал, что это тучи, распростёршиеся во всё небо, чёрные, несущие страшную сильную грозу, но было что-то странное вдалеке. «Слишком близко для горизонта», — подумал Сергей. Оля тронула его за руку. Сергей повернул голову — экран исчез из его поля зрения. Оля сидела, всматриваясь в экран. Её рука лежала на колене.

«Чёрт, чувак, ты ведь проходил через подобное! Да, ты

тогда струсил, но давай не сейчас. Не сейчас! Сосредоточься, не отвлекайся!» — прикрикнул мысленно на себя Сергей и вернулся к экрану. Персонаж Оли смотрел вдаль. Казалось, она застыла, ожидая, когда вернётся к ней внимание Сергея. Едва Сергей возвратился взглядом к экрану, действие снялось с паузы, и он вновь почувствовал касание жены. «Этотма. Она приближается, пожирая всё на своём пути, — сказала она. — Неужели наш мир такой... низкий...» В её словах, тембре голоса было разочарование, печаль. Вокруг — пустошь. Ни травинки, ни трещинки в земле, ни деревца — ничего — просто пустошь. Серое полотно, не украшенное ничем. «Нет, не наш», — ответил Сергей. Он понял, о каком мире идёт речь. «Наш с тобой не такой». Сергей повёл мышкой, представив, что вместе с ним поворачивается и персонаж Оли. Ещё немного сдвинув мышку, убедился, что Оля действительно смотрит в направлении двери. «Отлично, работает!» — обрадовался он. Как тогда, когда они с Ильёй смотрели на игру-шедевр. Только тогда всё было...

— Ну что, пройдем через эту дверь? — персонаж Оли улыбнулся.

— Да, — ответил Сергей.

Они посмотрели друг на друга на экране и в реальности, и Сергей нажал клавишу с буквой Е. Однако дверь не поддалась.

— Давай вместе попробуем, — сказала Оля и положила свою руку на его. Сергей ещё раз нажал Е. Дверь со скрипом

начала открываться.

— Юля, — одновременно произнесли Сергей и Оля. Они посмотрели друг на друга, и улыбка в очередной раз окрасила их лица.

Путь к Мечте

Персонажи Сергея и Оли оказались на мощённой камнем прямой дороге. Она вела к видневшемуся впереди освещённому белым светом, словно солнцем, строению — то ли замку, то ли крепости. Однако перед строением и вокруг него всё было каким-то тёмно-серым, чёрным. В небе низко зависли чёрные неподвижные облака. Не было ни фонарей, ни огней, будто затухающий (и где-то уже потухший) свет последними усилиями пытался пробиться изнутри самого окружения в этот увядающий, умирающий мир. Немногочисленные одноэтажные бревенчатые домишки были скорее похожи на развалины, лишь единицы ещё как-то держались, но в чёрных окнах, как в пустых глазницах, проглядывала тьма, поглотившая их. Деревья, которых становилось больше, сильнее омрачали гнетущую атмосферу. Все до единого были с голыми ветвями, под которыми можно было разглядеть чёрные бесформенные силуэты, бывшие когда-то листьями. Они клонились к земле, готовые развалиться под тяжестью беспощадной, безжалостной тьмы. Прямо на глазах у Сергея и Оли одно дерево рухнуло на дом, разрушив его до основания и вместе с ним превратившись в прах, облако которого было настолько тяжёлым, что, едва взвившись ввысь, сразу осело на мёртвую землю.

«О боже!» — выдохнула Оля. Персонаж Сергея взял её за

руку. В это время позади них раздался громкий звук упавшего камня. Оба вздрогнули, Оля вскрикнула, и они вдвоём обернулись, посмотрев на стену комнаты.

— Чёрт! — чертыхнулся Сергей. И сразу добавил: — Такое позиционирование звука далеко не в каждом хорроре...

— Думаю, здесь дело не в том, что там, — Оля указала на экран монитора, — хорошо над звуком поработали.

— Хочешь сказать...

— Да. Действие, возможно, и правда произошло там, но звук точно донёсся сзади нас.

Сергей на несколько секунд задумался.

— Если подумать, такой эффект объясним, будь мы в наушниках, ведь не просто так рекомендуют играть в хорроры именно в наушниках. Но если колонки такие, как у нас, а у нас их две, и они стоят перед нами, с физической точки зрения, такой эффект, в принципе, невозможен, если только не создать специальные условия.

— А это значит, что мы точно можем определить положение источника звука. И физически он действительно *перед* нами.

— Если только у нас самих нет каких-то отклонений в восприятии пространства, — Сергей хотел таким образом пошутить, но натянутая им на себя улыбка быстро исчезла.

— Не бойсь, — сказала Оля бодрым голосом. — Всё отлично! — она не стала уточнять, чего же «не бойсь» — отклонений или ситуацию со звуком.

— Да, точно! Ведь уже проходили через такое, и ничего, всё о'кей.

Оля кивнула и улыбнулась.

— Ну, давай продолжим, — а про себя подумала: «Уверена, Илья в своё время тоже проходил здесь».

Сергей нервно хохотнул.

— Что такое? — взглянула на него Оля.

— Да я подумал, мы тут строим догадки насчёт звука, а на самом деле, его могли издать соседи.

Оля бросила моментальный взгляд на мужа, усмехнулась и облегчённо вздохнула.

— Знаешь, мне только что вспомнилась похожая ситуация. Я тогда впервые встретилась со светловолосой Юлей. Мне приснился кошмар (ну, или не приснился), и я после этого пошла в душ. Пока была в ванной, соседи так же своим стуком напугали меня. Я ещё подумала тогда, что кто-то или что-то есть в квартире, а потом до меня дошло, что я навоображала себе всякое, и повторный стук меня уже успокоил. Сейчас звук не повторился, но, думаю, ты прав, мы сами себя напугали из-за «Твоей игры».

— Ясное дело, — сказал Сергей. — Да, напугали сами себя... — он наклонил немного голову и легко улыбнулся. — Что ж, теперь, когда мы поняли, что можем себя напугать не хуже, чем Юля нас, давай продолжим.

Они вернулись в чёрно-белый мир и направились прямо по дороге к освещённому впереди строению. Они про-

шли несколько шагов, и Сергей остановился. Оля посмотрела на него. Он оглянулся и увидел, что следом за первым обломком стены, который лежал на земле, падает следующий. Упав, он его не разрушил и сам не раскололся — они вместе словно пробили землю и исчезли в образовавшейся дыре. Персонажи посмотрели на стену и вверх: число обломков увеличилось. Ещё несколько пробили землю и исчезли в черноте.

— Оля, ты ведь не читала «Лангольеров» Стивена Кинга? — спросил Сергей, пятась от стены.

— Нет, я такое не читаю. Но нам пора бежать, знаешь ли...

— Полностью согласен.

Сергей опустил голову и резко повернулся, успев заметить, что камни, на которых он только что стоял, тоже провалились во тьму. Они посмотрели друг на друга и побежали, зная, что не только глыбы со стены пробивают дорогу, но и она сама проваливается. Никакого экрана, показывающего, что происходит позади них, не было, но Сергей ясно представлял, как исчезает в черноте пропасти мёртвый мир, а камни, по которым они бегут, через мгновение после очередного шага проваливаются, оставляя словно чёрный след в бездну. «Как будто лангольеры пожирают пространство и время», — подумал Сергей, одновременно удивившись, как он вообще смог о чём-то подумать.

Они бежали, взявшись за руки. Сергей чуть ли не тянул за собой Олю, которая часто спотыкалась — ноги её не слу-

шались. Оглянувшись, он понял, что им нельзя замедляться. До замка (теперь строение было видно чётко) оставалось не так много, и Сергей, задыхаясь, с силой притянул к себе Олю, которая не смогла удержать равновесия. Она упала к нему на руки, и ещё с пару десятков шагов он пробежал с ней на руках, словно включилось второе дыхание. Вход, возле которого стояли стражники в доспехах, был уже так близко, но вдруг резко отдалился, и Сергей почувствовал, как почва уходит у него из-под ног, и со всей силой, что у него оставалась, бросил Олю вперёд. Она упала, ударившись спиной о камень, из-за чего вскрикнула от боли, но сразу же о ней забыла, увидев, как Сергей провалился в черноту. «НННН-ЕТ!!!» — закричала она, бросаясь к нему в попытках ухватить за руку, за ворот рубашки, за волосы — не важно. Сергей отчаянно хватался за неустойчивые камни, которые каждый раз срывались в бездну, но всё же успевал схватываться за следующий, ломая ногти, не обращая внимания на попадающую в рот и в глаза землю. Он видел Олю, её протянутую к нему навстречу руку. Оля что-то кричала, но он не слышал её, словно уши заложило. Он понимал, что не имеет права так сдохнуть. Нет, они вместе спасут дочку. Из последних сил он с криком и хрипом коснулся Олиной руки. Последний камень сорвался, его рука скользнула по руке Оли, но она успела обеими ладонями ухватиться за его ждущую помощи ладонь и, закричав, словно пауэрлифтер, вытянула обессиленного мужа на поверхность.

Звонок звучал уже где-то полминуты, когда Оля открыла дверь. Она не посмотрела в глазок, не спросила: «Кто там?» — просто открыла. Она смотрела на вошедшего непонимающе, когда услышала:

— Здравствуйте. Я лейтенант полиции Егоров. Поступила жалоба на слишком громкий шум из этой квартиры.

Лейтенант Егоров убрал своё удостоверение и пристально посмотрел на женщину лет тридцати, которая сжимала трясущиеся руки в кулаки.

— С вами всё в порядке?

— Простите, она слишком вжилась в роль, — вышел Сергей и взял Олю за руку. — Мы записываем альбом, и моя жена очень увлеклась.

— Ааа, понимаю, экстремальный вокал, — полицейский улыбнулся.

— Да. Пожалуй, было слишком громко, а окна закрыть забыли, душно.

— Понимаю, сам увлекаюсь такой музыкой. Но вы напугали ребёнка на улице криком, поэтому, пожалуйста, не забывайте закрывать окна.

— Конечно. Спасибо.

Сергей закрыл дверь за полицейским, после чего поспешил запереться в туалете. Казалось, из него изверглись все внутренности. Когда он вышел, Оля посмотрела на него, провела рукой по щеке и сказала: «Серёжа, почему я так сла-

ба?» Из её глаз покатались слёзы. Она упала на колени, уронила лицо в ладони и зарыдала.

— Почему я такая слабая?!

Сергей не знал, что нужно делать, как утешить жену. Он присел на корточки и обнял её.

— Потому что ты не можешь и не хочешь причинить боль своей дочери, — сказал он.

И тут же получил ожог от звонкой пощёчины.

— Ты её отец! Как ты можешь быть таким спокойным?!

Голос Оли дрогнул, и она тут же кинулась к мужу на грудь, словно искала защиты и покоя. Сергей гладил Олю по голове, чувствуя её дрожащее тело. Жжения на щеке он больше не ощущал. Оля одним ударом выплеснула всю боль ему в лицо, он понимал это. И сейчас просто сидел, обнимая жену, и не мог придумать, что же ему сделать.

Внезапно Оля посмотрела мужу в глаза, и он сразу понял по их блеску, что момент слабости прошёл. Она поднялась, и Сергей вслед за ней. Безмолвно они вернулись в комнату (однако напротив комнаты Юли Оля остановилась и посмотрела на дочь пару секунд, легко улыбнувшись). Сергей подошёл к окну и убедился, что оно действительно открыто. Закрыл. Затем повернулся и посмотрел на ноутбук. На экране была надпись «Пауза».

— Не помню, чтобы паузу ставил, — проговорил Сергей.

— Юля не глупая девочка, она не просто так приостановила наше путешествие. Персонажи без нас ведь не имеют

значения.

— Забываю, что она играет с нами, — по тону чувствовалось, что Сергей упрекнул себя.

— Или нами... Готов? — решительно спросила Оля.

— Да.

Только они сели за ноутбук и приготовились продолжить, как пауза отключилась.

— Чёрт, пальцы болят! — посмотрев на руки персонажа, процедил Сергей так, будто и правда чувствовал боль.

Оля глянула на пальцы Сергея и выругалась: «Блин, опять попалась!» Разумеется, с пальцами Сергея всё было нормально. По крайней мере, пока. От этой мысли по её спине пробежал холодок.

— Ты и правда почувствовал боль?

Сергей посмотрел на Олю, на секунду засомневавшись, стоит ли ей сказать правду или же сослаться на отыгрывание роли. Решив, что сейчас далеко не самое лучшее время для второго, он сказал:

— Да, правда. Но не сильную, словно небольшой укол. Однако по каждому пальцу, как у персонажа.

Сергей ещё раз посмотрел на пальцы персонажа. Все десять были изранены в той или иной степени. Оле было неприятно смотреть на кровь, пусть и ненастоящую, но она не показала вида, а только немного задумалась. Сергей ждал, что она скажет.

— Серёжа, мне кажется, мы недооцениваем Юлю, — на-

конец сказала она.

— Ну, «Твоя игра», вторая версия, конечно...

— Я не только про игру. Она смогла заставить твой мозг отреагировать на опасность, не вводя тебя в сон, или гипноз, или ещё что-либо.

— Значит, это очень продвинутая версия, — попробовал пошутить Сергей, пытаясь таким образом отвлечь себя от подступивших страха и волнения.

— Пожалуйста, будь серьёзнее, — сказала Оля. Впрочем, она понимала, почему он так ответил. — Эта Юля уже не та, что была девять лет назад.

— Да, я знаю, просто заволновался.

— Понимаю, но всё же. Последствия могут быть страшными.

Сергей посмотрел в экран монитора. Великолепная, реалистичная, хоть и чёрно-белая графика — настоящая онлай-н-3D-игра. Впрочем, кто знает, игра ли... Ведь они, по сути, зашли на форум через неё, так что это как будто форум и есть, ведь так? Сергей вспомнил свои ощущения, когда запустил «Твою игру» девять лет назад, когда был один дома... Он так испугался, что сразу выключил её и удалил, но игра преследовала его. Сейчас он не один, но стало ещё страшнее: игру больше не выключить, не удалить — он и Оля должны помочь дочери. Тёмная Юля вернулась. Хотелось бы верить, что просто пробудилась, но демонстрация её силы говорит о другом. Они оба знали, что Юля не успокоится.

— Имеет ли значение, какой финал нас ожидает в игре?
— спросил Сергей.

— Я не знаю. Возможно. Юля наверняка сделала или постаралась сделать так, чтобы при любом исходе выиграть. Я помню, как она смотрела на меня, прежде чем Илья нанёс удар, — Оля побледнела от этого воспоминания. — Это было торжество безумия. А потом она исчезла, пообещав отомстить.

Оба замолчали, глядя на замок, освещённый солнцем, и на деревянную массивную дверь, словно зовущую путников войти.

— Что ж, выбора, похоже, особого и нет. Ну что же... — Сергей посмотрел Оле в глаза и широко улыбнулся. — Давай отыгрывать свои роли!

Оля вдруг поняла, видя воодушевлённый блеск в глазах мужа, что действительно нет смысла сейчас тревожиться и думать, — надо просто играть.

— Ну, тогда пойдём! — кивнула она.

Их персонажи пошли к внушительному средневековому замку с возвышающимися башнями. На его высоких сложенных из массивных камней стенах стояли пушки и стража, которая готова была в любой момент в случае опасности поднять тревогу и оборонять замок.

— Интересно, они видели, что с нами случилось? Как стена рушилась, земля проваливалась... — спросил Сергей.

— Даже если и видели, то вряд ли это грозило их дому, — Оля двинула мышку, и её персонаж поднял вверх голову и руку, указывая на сияющий круг света над замком. — Ух ты!

— Что?

— Я не думала, что персонаж ещё и укажет туда. Я просто захотела, чтобы так случилось...

Сергей усмехнулся.

— Привыкай. «Здесь можно всё. Это «Твоя игра», — процитировал он надпись, давно виденную им на экране монитора у Ильи.

Персонаж Сергея тоже посмотрел вверх. Словно большой конус, свет обволакивал замок и всё, что было за стенами. Казалось, там всегда солнечно и тепло и нет никакой опасности.

— Да, такие происшествия определённо обходят их стороной, — согласился Сергей.

Он с приоткрытым ртом смотрел на эту чёрно-белую красоту, поворачивая камеру (голову персонажа) в разные стороны. Воображение как будто разукрашивало чёрно-белую картинку окружения в яркие сочные цвета: красно-жёлтые флаги развевались на остроконечных башнях, латы стражников словно серебром блестели на солнце, трава и деревья зеленели разными оттенками, на дороге лежали пожелтевшие листья... Однако стоило ему посмотреть в любое место, где свет не касался окружения, как магия яркой разноцветности куда-то пропадала. Оля тоже обратила на это внимание. А

также на то, что разруха, от которой они убегали, исчезла, словно её и не было. Теперь вместо чёрной пустоты там были унылые голые деревья, ветхие домишки да дороги с колеями от колёс и следами лошадиных копыт.

Персонажи Оли и Сергея пошли к массивной обитой железом деревянной двери, которая возникла прямо перед ними. По сторонам от неё стояли стражники во внушительных сияющих доспехах и с алебардами. Лица их закрывали забрала. Только Сергей и Оля приблизились к двери, как путь им преградили накрест поставленные алебарды, лязгнув лезвиями. Сами стражники не сдвинулись с места, даже их шлемы не повернулись.

— Оу! — от неожиданности воскликнул Сергей и сразу попятился.

Оля тоже.

Алебарды вернулись в обычное положение. Сергей осторожно ещё раз приблизился — и вновь путь оказался преграждён. Он отступил — всё восстановилось.

— Хм... И как же пройти? — спросил вслух Сергей. Он посмотрел по сторонам, но больше никаких дверей или проходов не увидел.

— Я не понимаю, — сказала Оля, — ведь мы вроде ввели верные данные при входе. Что теперь не так, почему нас не пускают?

— Мы ввели их как бы внутри игры... Но всё равно мы уже должны быть в системе. Правда, окружение говорит о

том, что либо это какая-то заброшенная часть форума, либо мы до него ещё не дошли. Может...

Сергей взялся рукой за подбородок. «Что же мы сделали не так... упустили...»

— Оля, — вдруг сказал он. — Дай-ка мне телефон.

Не задавая вопросов, она встала со стула, принесла смартфон Сергея, который лежал на столике в противоположном конце комнаты. Активировав его, Сергей увидел сообщение от «Твоей игры». Открыл его. «3919-...» Показал сообщение Оле.

— Возьму свой, — сказала она и, взяв с того же столика свой смартфон, сразу открыла неп прочитанное сообщение. «... -2616». Показала Сергею. — Что это значит? — спросила она.

— Не уверен, но думаю, это двухфакторная аутентификация. Ну или двухличностная. Но зачем Юле эта защита? Разве она не стремится...

— Не знаю. Хотя, возможно, мы скоро всё узнаем.

— Ладно, как тут код применить? — спросил сам себя Сергей, вернувшись к экрану монитора. Он ещё раз осмотрелся, затем подошёл к стражникам, которые сразу перекрыли ему путь, но не увидел даже намёка на что-либо, куда можно было бы ввести код.

— Хмм...

Сергей посмотрел ещё раз на сообщение и решил посмотреть управление. Он нажал «Esc», появилось меню: «Про-

должить».

— Только «Продолжить»? — удивился он.

— Это же «Твоя игра», — усмехнулась Оля. — А что ты хотел?

— То-оч-чно-о, — растянуто произнёс Сергей.

— Что такое?

— Я вспомнил, как мы с Ильёй впервые смотрели эту игру. Никаких настроек, всё идеально подстраивается под игрока (если можно так нас назвать). Мы тогда решили поприкалываться, и Илья просто вслух произносил действие, а сам нажимал одну и ту же клавишу. Персонаж совершал действие, которое произносил Илья. В каком он был тогда восхищении!

Сергей ностальгически улыбнулся, но почти сразу его лицо сменилось грустным выражением. Оля с пониманием смотрела на него, но также понимала, что надо быть в настоящем. Дав ему несколько секунд, она ласково положила руку ему на плечо. Сергей посмотрел на неё.

— Да, попробуем.

Он взял оба телефона и сказал: «Три девять один девять. Два шесть один шесть». Только на этот раз Сергей приготовился не к облому, а к открытию входа. Но ничего не случилось.

— Вот отстой! — он хохотнул.

— Ты чего? — спросила Оля, сама невольно улыбнувшись.

— Забавно. Тогда мы ожидали облома, но всё получилось, как не ждали. А сейчас я ожидал, что всё получится, но вот — облом!

— Вот так всегда: ждёшь одного, получается другое, — засмеялась Оля.

— А помнишь, как мы тогда отдыхали на море?

— Конечно! Ты выпил лишний бокал вина, и я ту романтику никогда не забуду.

— И как я тогда на тебя умудрился не наблевать?

— Зато отмывался сам потом долго.

Они улыбнулись своим воспоминаниям.

— Да, это было что-то.

— Или когда я платье не смогла снять. Так и отрубилась на постели.

— Это я тебе ещё припомню!

— Да тебе тоже с водочкой стоит быть осторожнее. А ведь до встречи с тобой я вообще её не пила.

Они засмеялись.

Ещё несколько минут они воспоминали забавные события прошлого, когда всё шло не так, как хотелось.

Наконец Сергей попробовал сосредоточиться:

— Так, попробуем ещё раз.

И опять ничего не случилось.

— Эй, это уже не смешно, — он посерьёзnel.

— Подожди-ка, — сказала Оля. — Давай так попробуем: ты произносишь свои цифры, я — свои.

— Давай. Три девять один девять.

— Два шесть один шесть.

Алебарды вернулись в прежнее состояние. Оля и Сергей переглянулись.

— Умница, — похвалил он. — Но как ты поняла?

— Благодаря твоему уточнению относительно двухличностной аутентификации. Не просто же так код пришёл тебе и мне.

— Да уж, затупил, — усмехнулся Сергей.

Он подошёл к двери и по привычке хотел нажать на клавишу взаимодействия «Е». Однако дверь открылась сама, издав характерный тяжёлый скрипящий звук.

— Прикольно, — сказал Сергей.

Перед ними коридор с каменным полом и низким потолком, на стенах через равные расстояния висят факелы, освещающие красный кирпич. Прямой коридор уходит словно в бесконечность, заканчиваясь чернотой. Он достаточно широкий, чтобы Оля и Сергей могли идти рядом. Звук их шагов гулко отражается от стен, и тени факелов и их собственных словно движутся им в такт. Позади слышался звук закрывающейся двери, а после — как будто засова. На этот раз Оля и Сергей не оглянулись на стену в квартире, они поворачивают персонажей и видят, что дверь и правда заперта на засов. Переглянувшись, они разворачиваются и не спеша идут дальше. Сергей вспомнил про множество хорроров с подобными коридорами, и сейчас ему немного не по себе.

Оля не замечает, что напряжена. Стены коридора с монотонно горящими факелами гипнотически обволакивают их сознание, погружая в бесконечность своего бытия. Периферийным зрением они видят их вокруг себя и, не в силах даже моргнуть, утопают в их тепле, слыша едва уловимое потрескивание горящих факелов, замечая срывающиеся с них стогрешившие части материалов и смолы, чувствуя их запах, чувствуя и холод тех частей стен, до которых не доставало тепло огня. Оля и Сергей приближаются к чёрной, словно закоптившейся, стене в конце этого поглотившего их коридора, и она оказывается двустворчатой дверью из чёрного камня. Все звуки исчезают, как будто она их поглотила, после чего дверь медленно открывается. Песок и мелкие камешки сыплются сверху, как будто этой дверью давным-давно никто не пользовался, и Оля с Сергеем идут в образовавшийся проход. Оказавшись в небольшой комнатке с несколькими деревянными дверями, они останавливаются. Оглянувшись, видят только стену из красного кирпича — проход и дверь, словно какой-то временный портал, исчезли. И только сейчас Оля почувствовала, насколько она напряжена.

Сергей шумно выдохнул и глубоко вдохнул. Он наклонился над столом, поняв, что не дышал, пока они шли по коридору. Вряд ли он задохнулся бы, инстинкты работают, но сам эффект его поразил. Оля с трудом смогла расслабить мышцы тела и тоже глубоко вдохнула. Оба в унисон произнесли сдавленными голосами: «Юля...»

— Всё хорошо? — спросил Сергей, посмотрев на Олю.

— Да. Всё хорошо, — она кое-как повернула голову, чтобы взглянуть на мужа. Улыбнулась вымученной улыбкой.

— А мы ведь ещё даже не попали в Мечту...

Оля сказала это как-то отстранённо, что не помешало ей услышать себя.

— Что? — Сергей смотрел на неё, тяжело дыша.

— Я... не знаю... Как-то само вырвалось.

Сергей проницательно смотрел на неё. Оле стало не по себе.

— Наверное, моё скрытое или забытое желание, не знаю,

— поспешила она сказать хоть что-то.

— Ладно, — Сергей повернулся к экрану. — Надеюсь, скоро мы туда попадём. И во всём разберёмся, — добавил он.

— Я тоже... — с оттенком грусти, но и с надеждой произнесла Оля.

Кроме дверей (которых было четыре), в середине помещения был такой же деревянный стол с двумя пергаментами и двумя полупрозрачными кругляшками, похожими на контактные линзы. Оля и Сергей прочитали на дверях: «Сергей. Личный кабинет», «Оля. Личный кабинет», «Форум», «Поиск». Оба в недоумении смотрели на первые две надписи.

— Похоже, мне тоже надо привыкать, — с ухмылкой сказал скорее себе, чем Оле, Сергей. — Но я не помню, чтобы

вводил где-либо в настройках своё имя...

— А каким образом мой кабинет тут оказался? — Олю, казалось, сейчас волновало только это.

«Может, ты когда-то зарегистрировалась?» — хотел было спросить Сергей, но, даже не успев понять бессмысленность вопроса, сказал:

— Не знаю. Зашли ведь подо мной.

Оля вдруг улыбнулась.

— Ну и чего мы удивляемся? Конечно, я тоже тут, это ведь Юлия и «Твоя игра».

Чуть помолчав, Сергей ответил:

— Да уж. Но всё равно очень непривычно. И даже немного жутко как-то, — добавил он.

— Ладно, попробуем зайти, что ли.

Они пошли каждый к своей двери, и, открыв, оба остановились в очередном изумлении. Каждый за своей дверью видит комнату, в точности выглядящую как комната, в которой они вместе сидят за ноутбуком в реальном мире, пусть и всё чёрно-белое. Однако не это заставило их остановиться. Перед ноутбуком на стуле и в кресле сидят два человека, копии Оли и Сергея, которые смотрят в экран монитора и совершенно не двигаются, словно застыли. Сергей разворачивается, видя при этом, что его чёрно-белая копия остаётся совершенно неподвижной. Однако изображение на экране монитора меняется — персонаж, как и Сергей, разворачивается. Через несколько мгновений он уже стоит спиной

к чёрно-белому миру, дверь закрылась, и он оперся на неё спиной, стараясь унять тревогу и страх. «Не, я лучше заходить не буду». Затем он смотрит на соседнюю дверь в надежде увидеть Олю. Её нет. «Чёрт!» Он подходит к её двери, пытается открыть. Не поддаётся. Он решает подождать. Проходит несколько секунд. Он пытается открыть дверь ещё раз, но не получается. Подходит к другим дверям, однако перед каждой словно лазерная сетка с голографией знака «Вход воспрещён» и подписью: «Сначала ознакомьтесь с правилами форума и приложите кнопку полезного действия (КПД) к виску». Сергей видит пергаменты, но не берёт их, а ищет что-нибудь похожее на выход. Он обшаривает все стены, особенно ту часть, где была дверь-портал, но ничего не находит. «Оля, где же ты? Возвращайся скорее!» — и тут же слышит её голос: «Сейчас, Серёжа, не волнуйся». Он оглядывается, но никого нет, словно это был просто голос у него в голове. В следующее мгновение он чувствует прикосновение к плечу и от неожиданности вздрагивает, резко оборачивается и видит закрывающуюся дверь-портал, которая затем исчезает. Звук возвращается, и Сергей произносит только: «О Боже...» — обняв Олю.

— Как я рад, что ты здесь! — придя немного в себя, говорит он. — С тобой всё в порядке? Что произошло?

Оля выглядит задумчивой и весьма серьёзной. Она смотрит на двери в личные кабинеты и указывает на дверь Сергея:

— Скажи, что ты видел в своём кабинете?

Он на секунду задумался, потом ответил, упомянув про тревогу и страх и отсутствие Оли.

— И я решил, что мне не стоит заходить.

— Я видела то же самое, за исключением пары деталей — не было неприятных ощущений, и изображение на экране было другим, — Оля замолчала, как будто снова задумавшись.

— И... — начал вопрос Сергей, но решил промолчать и подождать, пока она сама скажет, что же там было.

— Как и ты, я тоже не смогла сразу переварить увиденное, оказавшись словно в другом измерении, которое, кажется, только выглядит трёхмерным. Мы оба не чувствовали подобного с тех пор, как пережили события девятилетней давности. Мне так ярко всё вспомнилось, что я решила пройти в тот мир за дверь. Это очень напоминает астральную проекцию, только... как будто... даже не знаю, как объяснить. Мы управляем персонажами, ассоциируя себя с ними и ими же словно попадая в реальный мир, где существуют наши реальные тела. Я вроде бы игрок, управляющий персонажем, но мой персонаж, то есть я сама, раз ассоциирую себя с ним, могу вселиться (вернуться) в своё реальное тело, пройдя через эту дверь, — Оля указала на свой личный кабинет. — Я шла к себе и вошла в своё тело, словно вернулась из астрала. Чёрно-белое пространство той реальности меня как будто поглотило, я ощущала себя полностью там,

и вот что интересно: управляя персонажем, я одновременно управляла своим телом, как будто мой персонаж и я единое целое. Это, наверное, очень похоже на то, как мозг управляет телом, но происходит всё на бессознательном уровне. А я всё осознавала. Я... управляла собой через персонажа, который управляется моей рукой. Иными словами, думаю, мы можем прямо из игры управлять своими телами, предварительно вселившись своими персонажами в них.

Оля закрыла глаза, глубоко вдохнула и шумно выдохнула. Сергей видел, что она ещё не закончила, поэтому терпеливо ждал. Она продолжила:

— Пока я была в теле, картинка на экране была неподвижна, персонаж в игре в том компьютере не двигался, даже когда я попробовала управлять им, словно это невозможно сделать, если я как бы вне игры. А потом, прости меня за это, я решила попробовать вселиться в твоё тело. Вот просто внезапно пришла мысль посмотреть, что будет и возможно ли это. И тут почувствовала твоё волнение, услышала твои мысли. И автоматически ответила. Ты ведь услышал меня?

— Да, услышал.

— Я снова вселилась в себя и нажала клавишу «W». Направление прямо в экран монитора. Ты когда-нибудь задумывался, что могло бы произойти, попади ты в этот бесконечный тоннель повторяющихся вглубь экрана изображений? Бесконечность или, быть может, тьма в конце или ещё что-нибудь? Я не решилась бы на этот эксперимент, если

бы не мои практики на возвращение из астрала, о которых я очень вовремя вспомнила. И, как ты уже понял, я оказалась здесь, пройдя через исчезнувшую дверь-портал, — Оля оглянулась, указав на голую стену. Замолчала. Сергей некоторое время смотрел на неё, не зная, что сказать, а потом повторил:

— А я почувствовал, что мне страшно, и вернулся сюда. И обнаружил, что здесь нет выхода...

Он не договорил, задумавшись.

— Интересно, почему я вообще пытался найти выход, когда было достаточно просто отвернуться от экрана монитора?

И как бы в подтверждение своих слов, что это очень легко и просто, Сергей повернул голову в сторону Оли, не заметив, что камера (персонаж) тоже повернулась. Оля была словно в трансе. Она сидела, не моргая, рот слегка приоткрыт, глаза полужакрыты и как будто безжизненны. Она была похожа на безвольную куклу, только дыхание выдавало, что она живая. «Оля!» — Сергей в волнении тряхнул её за плечи. Её голова резко откинулась назад, хрустнула шея, и она сразу оживилась. «Что такое? Что произошло?» Оля немного помассировала шею. «Кажется, я... уснула?»

— Нет, не уснула. Я не знаю, как это называется, но ты словно осталась в игре, а здесь было только твоё тело.

— Ясно, — она встала со стула и прошла по комнате.

— Ты помнишь, что рассказала мне там? — Сергей указал

на экран монитора.

— Да, помню. И думаю, что с Юлей произошло нечто похожее, только не из-за игры.

— Видимо, хорошо, что я не рискнул заходить в личный кабинет.

— Наверное. У меня всё было не так, как у тебя, вероятно потому, что есть способности.

— И что делаем сейчас? Для тебя эта игра становится опасной.

— Похоже на то, но отступать нельзя, ты и сам понимаешь. Придётся учиться, адаптироваться. Вспоминать... — это слово Оля произнесла медленно, задумчиво.

— Ты заметила, что мы называем эту игру игрой? — вдруг спросил Сергей. — Я к тому, что мы по факту зашли в форум, просто через неё. То есть либо она имитирует реальный форум (хоть он и 3D, словно игра), либо мы действительно в форуме, а не в игре.

— Ну и что? Мы ведь запустили игру, разве нет?

— Если это не имитация, то там всё по-настоящему, хоть и виртуально. Например, общение с реальными людьми, когда увидим их.

— Ты имеешь в виду... — Оля смотрела на Сергея понимающими глазами.

— Да. Что мы можем увязнуть там, даже не заметив этого. И станем как ты только что. Или... — Сергей запнулся. — ...Как Илья. Мы однажды проходили через подобное, если

помнишь.

Оля помнила. Тот самый идеальный мир, созданный ею из сна Сергея. Но тогда и ситуация была совершенно иная, хотя ощущения были действительно похожими.

— Значит, нужно быть осторожными, — заключила она.
— И нельзя забывать, где наша реальность.

Они повернулись обратно к экрану. Оля спросила:

— Серёжа, что ты сейчас видишь на экране?

Сергей хотел было повернуться, но не потому, что таково было его желание, а рефлекторно, реагируя на удививший его вопрос, но Оля прервала это действие:

— Смотри в экран!

Хоть он и успел немного повернуть голову, но взгляд всё ещё был прикован к изображению, поэтому он только слегка повернул её обратно и сказал:

— Вижу тебя, то есть твоего персонажа, дверь в свой личный кабинет позади тебя, стену...

— А я вижу тебя, стол с пергаментом, дверь в свой кабинет... Понимаешь, о чём я?

Сергей молчал. Наконец произнёс:

— А-а-а...

— Это то, что я не смогла тебе объяснить ранее. Пусть экран один, но видим мы глазами персонажей, словно экран у каждого свой.

— Любопытно... — сказал Сергей. — Словно кооператив, но без разделённого экрана.

— Я только не поняла, как же мы управляем персонажами, ведь всё равно пользуемся клавиатурой, мышью — их-то тоже по одной штуке.

— Это-то как раз просто объяснить. Достаточно настроить управление для двух игроков на разных клавишах. Ну а кто-то один может ещё мышью управлять. Ну или по очереди.

— Ну, не знаю... Мы ведь за мышку вместе держались, когда входили в дверь, один ты не смог.

— Да, точно... С другой стороны, — вспомнил вдруг Сергей, — что я, что ты забыли, что можем управлять действиями персонажей, просто пожелав это самое действие. Или подумав о намерении.

— А, ну да, об этом я забыла.

— Впрочем, не исключено, что Юля нам помогает. Как думаешь? — неожиданно спросил он.

Оля на секунду замешкалась с ответом.

— Возможно. Но, может, мы так друг другу помогаем, и она здесь ни при чём.

Сергей выдохнул.

— Ладно, что сейчас зря думать, мы так не продвинемся никуда, а Юля, уверен, ждёт нас.

— Нам нужно понимать, что и как происходит, — попыталась возразить Оля, но тут же сказала: — Однако ты, наверное, прав. Всё-таки застревать в одном месте с рассуждениями и догадками ещё хуже.

Они приблизились к двери с надписью «Форум», и вход сразу преградила лазерная сетка со знакомыми Сергею знаком и подписью.

— Ах да, забыл совсем! — хлопнул себя по лбу персонаж (и Сергей) и взял со стола пергамент.

Просмотрев правила форума, он сказал:

— Здесь только описание управления. Общение с помощью голоса, даже если нет микрофона, для вызова личного помощника или быстрого доступа в личный кабинет нужно воспользоваться кнопкой полезного действия, и сделать это можно с помощью жеста или отдельной клавиши и т. п. Прикольно, что сокращённо это КПД, как коэффициент полезного действия, — слегка улыбнулся Сергей.

— Тут написано, что нужно нажать кнопку взаимодействия, — заметила Оля.

Сергей нажал на клавишу «Е», и появилось меню выбора «левый — правый». Повернул камеру вправо, и одна из кнопок, лежавших на столе, сразу исчезла. Сергей пару секунд подождал, затем посмотрел по сторонам, но не увидел изменений. Обратился к пергаменту, где нашёл следующее: «Коснитесь пальцем или пальцами правого виска, чтобы вызвать панель информации». Он так и сделал.

— Ого! — услышала Оля.

— Что такое?

— Попробуй сама, увидишь.

Она нажала кнопку взаимодействия, но решила выбрать

«левый». Повертела камерой.

— И что?

— Прочитай в правилах, как пользоваться.

«Коснитесь пальцем или пальцами левого виска, чтобы вызвать панель информации». Оля увидела панель с аватаром, различной информацией и ссылками. И сразу же обратила внимание на 3D-модель аватара, который представлял собой саму Олю.

— И правда — ого!

Знак и подпись на двери «Форум» исчезли.

— Ну что, пошли? — спросил Сергей. — Разберёмся уже по ходу, что и как.

— Сейчас, подожди.

Оля пробежала глазами до конца пергамента.

— Здесь не только управление, ты невнимательно просмотрел.

— А что ещё?

— Про взаимодействие с пользователями, про обновления...

— Оля, если что, воспользуемся личным помощником, я не хочу ещё больше здесь задерживаться. Пойдём.

— Ладно. Мы всё равно пришли сюда не беседы с пользователями вести.

Сергей и Оля подошли к нужной двери, и она наконец открылась. Они ожидали, что будет множество пользователей, общающихся друг с другом, однако оказались в полностью

пустом зале с разноцветными дорожками. Их персонажи зашагали вперёд по каменным плитам. Звук шагов звонким эхом отражался от стен, однако быстро сменился глухим и мягким. Они стояли на красной дорожке, которая заканчивалась в центре зала, где от неё в разные стороны отходили другие: белая, жёлтая, синяя и др. Каждая из них вела к двери соответствующего цвета: белая — к белой, синяя — к синей и т. д., всего семь. Однако больше их привлекло другое — сияние впереди, по форме похожее на двустворчатые ворота.

— Нам туда, — вдруг сказала Оля, указывая на них.

— С чего ты взяла? — спросил Сергей, взглянув на неё.

— Это словно моментальный снимок, вспышка — Илья проходил через эти ворота в Мечту.

— А это может значить, что и Юля где-то там...

Оля и Сергей совершенно не обращали внимания, что общаются, глядя в экран монитора. Даже когда поворачивались друг к другу, они сидели перед экраном неподвижно, поворачивались их персонажи. Они же сами лишь посылали сигналы намерений мозгу. Сейчас на экране был цветной мир, где они оба выглядели лучше, чем в жизни — так, как они желали видеть друг друга, так, как они представляли друг друга в своих сокровенных фантазиях, тщетно пытаясь обмануть себя, что таких фантазий у них нет и быть не может. Что Сергей никогда не смотрит на других женщин похотливыми глазами, что Оля никогда не смотрит на других муж-

чин глазами охотницы. Нет, вы что, никогда, только не с нами, ведь мы *любим* друг друга! «Сергей выглядит именно так, как я хочу, он именно такой мужчина, какой мне нужен, он идеален для меня...» — убегает Оля от своих сокровенных фантазий. «Оля выглядит именно так, как я хочу, и даже лучше, она секси, она прекрасна, она моя мечта...» — убеждает Сергей от своих сокровенных фантазий. И нервная система посылает сигналы мозгу повернуться к собеседнику, мужу или жене, чтобы провести диалог, и персонажи поворачиваются. Сергей и Оля оба видят друг друга как свои сокровенные фантазии, лучшие версии друг друга. И думают одно и то же: «Я хочу тебя», — совершенно забыв о Юле, хоть только что, буквально только что её имя прозвучало из уст Сергея...

— Ладно, пошли! — голос Сергея прозвучал резко и отрывисто, словно его оторвали от дела, которым он очень увлёкся.

— Да, идём, — немного рассеянно ответила Оля.

Гулкий звук шагов сопровождает их, словно затухая по мере приближения к сиянию. В то же время массивные ворота медленно открываются с характерным звуком. Свет шевелится, потихоньку распадаясь на множество белых сияющих бабочек, которые становятся тем прозрачнее, чем ближе персонажи подходят к ним и чем больше бабочки разлетаются. Это похоже на эффект в видеоигре, когда персонаж из тёмного помещения выходит на свет, ослепляющий его, но затем

за нестерпимой белизной открывается какой-нибудь удивительный вид. Оля и Сергей проходят сквозь тающих бабочек, и свет их словно очищает, прежде чем показать, что за ним. Наконец они делают шаг за пределы зала и оказываются на вершине горы, на дороге из белого камня, что спускается прямо по склону к целому городу. Они видят деревянные и каменные дома, мощёные дороги, узкие улочки, лавки и торговцев, телеги и крестьян, человекоподобных, прямоходящих зверей, эльфов и гномов, разную домашнюю скотину... Сбоку течёт река, через которую в нескольких местах перекинута деревянные и каменные мосты, за ней — небольшой лесок и поляна, покрытая всевозможными травами и цветами. А вдалеке, за пределами города, — другой город: над ним тучи (наверняка идёт дождь), а зарево огней иногда прорезается молниями. Несмотря на пелену света, город кажется мрачным, словно солнечные лучи никогда туда не проникают.

— Оля... — задумчиво протянул Сергей.

Она повернулась к нему.

— Я почему-то вспомнил, что когда мы только запустили игру, всё было чёрно-белым. Почему же теперь всё такое цветное и красивое?

Оля помедлила, прежде чем ответить.

— Я не знаю. Возможно, так задумано Юлей. Пока не могу понять зачем. Но понимаю, почему ты вспомнил — из-за того города вдалеке.

— Наверное, так и есть.

Сергей взглянул на Олю и сразу обратил внимание на указатель позади неё.

— Смотри.

— «Мечта», — прочитала Оля надпись, начертанную красивым шрифтом на полированной деревянной поверхности.

— Что ж, вот мы и в Мечте, — улыбнулась она.

— Ну, почти, — уточнил Сергей, тоже улыбнувшись.

Встреча с милордом и его женой

Они пошли вниз по дороге. Казалось, здесь царило вечное лето: вокруг было зелено, лёгкий ветерок колыхал травы и кустарники, и на лугу через реку волновалось море ещё невысокой травы. Паслись коровы и овцы, пастух сидел под деревом в отдалении, рядом с ним примостилась собака. За лугом был виден лес и большое озеро, недалеко от которого располагались небольшие поселения, представленные группками домов. С другой же стороны дороги — холмы, где среди трав и кустарников возвышались немногочисленные деревья, а дальше виднелись живописно заросшие осокой, тростником и рогозом болота, вспыхивающие красными звёздами сабельника. Среди чёрных ольх, пушистых берёз и сосен видны были редкие хижины.

Пройдя где-то половину спуска, Сергей оглянулся. Сооружение на вершине чем-то напомнило ему Колизей, но не по форме, а по величию. Оно кардинально отличалось от всех строений внизу: цилиндрической формы, в белую стену словно встроены рельефные колонны, между которыми друг над другом располагались такие же рельефные окна из камня, в три этажа высотой каждое. Поверхность сооружения переливалась искрами света, будто в неё были вкраплены драгоценные камни, но в то же время эти искры не слепили, а, напротив, действовали успокаивающе как для глаз, так

и для тела и души, словно какой-то защитный барьер или божество. Посередине этого великолепия — диаметром в три этажа символ дракона, переливающийся огненным блеском (ни колонны, ни окна не нарушали целостность изображения). Оля тоже смотрела как зачарованная, но нужно было продолжать путь.

Ближе к городу, когда они почти спустились, Оля вдруг воскликнула, внезапно остановившись:

— Чёрт! Я вспомнила!

Сергей резко обернулся.

— Что? Что такое?

— Я ведь стёрла Илье память, помнишь? Если он действительно ещё здесь и мы встретим его, то он просто не узнает нас. То есть тебя. Меня-то он и так не знал, увидеть один раз — не в счёт.

Сергей задумался, напрягши память.

— Да, припоминаю. Я ещё просил тогда тебя рассказать мне его историю. Как мы могли забыть?..

— Ну, всё-таки девять лет прошло, и у нас совсем другие заботы были. Правда, мне кажется иногда, что не я сама вспоминаю, а мне помогают вспомнить... — добавила, немного задумавшись, Оля. — Но, кроме Юли, это делать некому.

— Возможно, она ведёт нас, пытается помочь как может, — высказал догадку Сергей. — Светлая её половина.

— Да, наверное, иного объяснения не вижу. Разве что та-

ков план другой Юли. Однако сейчас речь не об этом. Если встретим Илью...

— Да, нужно не забывать, что он нас, меня, не помнит.

— Ты уж постарайся.

— Не беспокойся, я справлюсь. Но я понимаю, к чему ты.

Боишься, что напортачу, вспомнив, что он напал на тебя?

— Да. Ну и не только это.

— Я помню, что он не по своей воле сделал это — он был марионеткой в руках тёмной Юли. Всё в порядке, не волнуйся, — успокаивал Сергей. — А не только это — это что?

— Ведь ты и Илья друзья со школы.

— Я постараюсь. Доверься мне, ладно?

Оля пристально посмотрела на Сергея. И ей показалось, что действительно всё будет хорошо — настолько сильную уверенность излучал его взгляд. «Надеюсь, что и правда всё будет именно так. Иначе трудно представить последствия».

— Хорошо, договорились.

Белая дорога кончилась, упёршись в большие деревянные, на вид очень крепкие, ворота, которые были заперты. Как-либо ручек или рукоятей не было, что значило, что отпираются они изнутри. Возле ворот неподвижно стояли довольно высокие, метра под два, стражники в доспехах. Они держали большие металлические щиты, поставив их на каменную поверхность, и алебарды. Щиты почти доставали им до забрал, немного не доходя до подбородка (насколько можно было представить по форме шлема, где он может нахо-

диться). Алебарды ничуть не уступали размерами — их лезвия, казалось, легко могли разрубить сразу несколько человек.

— Да, на таких лучше не нарываться... — произнёс Сергей, с благоговением и в то же время с опаской глядя на стражей.

— Ну, давай подойдём, что ли, — предложила Оля.

Едва они ступили с белокаменной дороги на дорогу из обычного булыжника, как стражи ловко и быстро встали перед воротами и преградили им путь скрещёнными алебардами. При этом они не сказали ни слова, лишь наклонили свои головы, и за забралами показалось красное свечение, словно сканирование. Затем головы вернулись в обычное положение, и стражники остались стоять, преграждая путь.

— Не понял — что произошло?.. — недоумённо спросил Сергей.

— Я тоже не поняла, — отозвалась Оля. Она стояла на шаг позади Сергея.

— Мы знаем, что вы не желаете нам зла! — услышали они сверху. Подняв головы, увидели нескольких человек, похожих на тех, что были перед входом в форум. — Однако, по приказу милорда, оставайтесь на месте, он сейчас выйдет!

Сергей и Оля переглянулись.

— Хорошо, мы вас поняли! — крикнул в ответ Сергей.

— Илья? — с волнением в голосе спросил он у Оли.

— Уверена, что да, — чуть ли не шёпотом ответила она.

Через несколько минут тяжёлые деревянные ворота начали открываться. Оля с Сергеем во все глаза смотрят, кто же сейчас к ним выйдет. Однако сначала они никого не видят. В открывающемся проходе стоит карета, сверкающая полированным красным деревом и обитая золотыми рамами. За ней время от времени топают копытами и фыркают запряжённые кони на фоне огромной статуи дракона. Люди и нелюди стоят в положении поклона, приложив руки и лапы к груди. Даже маленькие дети прекратили игры и кланяются. Но в воздухе не чувствуется даже намёка на страх или принуждение: все как один благоговеют и выражают уважение и преданность милорду. Кажется, даже все звуки города затихли, птицы перестали петь, река — шуметь, а ручейки — журчать.

Ворота распахнуты. Задний навес на карете открывается, на камни опускается маленькая лесенка, из кареты показывается фигура человека в чёрной накидке, разукрашенной золотыми блестящими орнаментами и красными драконами. На голове у него золотая корона, украшенная рубинами и алмазами (в форме драконов), из-под которой выбиваются чёрные волосы. Под накидкой чёрная рубашка с серебряными пуговицами, сшитая в готическом стиле, чёрные шёлковые брюки и сапоги из чёрно-угольной кожи. Милорд не спеша спускается по ступенькам и, когда он на земле, протягивает руку следующей за ним даме в пышном красно-чёрном платье и элегантных чёрных туфлях на каблуке, усыпанных алмазной крошкой. Её волосы каштанового цвета прядями

ниспадают на плечи, голова украшена короной с большим рубиновым драконом посередине. Миледи так же не спеша спускается на землю, и они вместе направляют взгляды на Олю и Сергея, которые уже успели сравнить свои домашние шмотки, в которых они прибыли в этот мир, с нарядами милорда и его жены. Оба узнают в милорде Илью, и Сергей всё время повторяет себе: «Он тебя не помнит, он тебя не помнит, он тебя не помнит...» Илья с миледи приближаются к Оле с Сергеем, и Оля толкает Сергея в бок, шёпотом подсказывая: «Кланяйся!» — и они оба кланяются, только Оля скрещивает руки, прижимая их к груди (как все жители), а Сергей держит их прямо по швам.

— Приветствуем вас, ваше величество, милорд, миледи!
— говорит Оля.

Илья и его жена молчат, глядя на Сергея. Оля, не поворачивая головы, дёргает Сергея за рукав футболки. Он, весь покрасневший, выпаливает:

— Да, здравствуйте, милорд, миледи!

Несколько секунд гробовой тишины.

И тут раздаётся громкий и звонкий хохот милорда, а к нему присоединяется более сдержанный смех его жены.

— Серёг, ну ты чего, не узнал меня, что ли?

Оля и Сергей мигом вышли из состояния поклона и тупо посмотрели сначала на Илью, потом друг на друга, ничего не понимая. Затем Сергей осторожно спросил:

— Ты меня помнишь?

— Ну разумеется, как же не помнить-то!

— Ну, тогда... привет, что ли... — растерянно протянул руку Сергей.

— Здорово, Серёга, очень рад тебя видеть! — Илья пожал руку и обнял своего друга.

— Ах да, Настя, давай уже избавимся от этих пафосных нарядов, а то неудобно как-то.

— Сейчас.

Настя открыла крышечку фальшивого рубина на браслете на своей руке и высыпала оттуда немного золотого песка на ладонь. Потом обсыпала им Илью и себя — и наряды их исчезли без следа.

— Да, так намного лучше! Не люблю я всё-таки наряжаться, — сказал Илья.

Сейчас перед Олей и Сергеем стоял Илья, одетый в чёрную футболку и спортивные, на ногах — кроссовки. На Настасье были белая рубашка и зелёный сарафан, на ногах — лапти.

— Но как же было смешно наблюдать за вами двоими, когда вы кланялись! А это твоё «здравствуйте»! Это было прикольно! — Илья снова засмеялся, но уже более сдержанно.

— Кстати, — продолжил он, — вот, знакомьтесь, это моя жена Настасья. Ну, вы, наверное, и так уже поняли.

— Приятно познакомиться, Сергей и...

— Оля, — сказала Оля, отвечая на приветствие. — Его жена.

— Оля, — закончила Настя.

— И мне, Оля, — сказал Илья, протягивая руку. Они пожали друг другу руки.

— И мне очень приятно, Настасья, — протянул свою руку Сергей.

— Прошу, можно просто Настя, — слегка смутилась она.

— Ну, со знакомством и приветствиями закончили, поехали во дворец! — предложил Илья, указывая на карету.

— Поехали! — согласились все.

Сергей и Оля немного отстали. Недоумение охватило обоих.

— Что происходит? Ты же говорила, что он не помнит, — шёпотом спросил Сергей.

— Не знаю. Надеюсь, очень скоро всё будет ясно, — также шёпотом ответила Оля.

По очереди все поднялись в карету, которая оказалась очень удобной и вместительной. Сергей и Оля расположились напротив Ильи и Настасьи на мягких сиденьях со спинками, обитых красной замшей, за которыми были окна, наполовину прикрытые шёлковыми красно-чёрными занавесями. Илья потянул за небольшой рычаг («Осторожно», — сказал он) на передней стенке рядом с ним — словно раскладушка, из стенки развернулся продолговатый столик, и у его основания появилось что-то похожее на мини-холодильник.

— Чего желают гости? — церемонно спросил Илья.

Сергей заказал пива, Оля — простую воду. Себе Илья то-

же взял пива, Настасья — лимонад. Когда все утолили жажду, Илья, сгорая от любопытства, спросил:

— Ну и почему вы здесь?

На несколько секунд воцарилось молчание. Сергей сделал ещё глоток и прямо ответил:

— Мы хотим найти и спасти свою дочь Юлю.

Илья поставил банку на стол.

— Не буду пока спрашивать о подробностях, но раз вы здесь, то надеетесь найти её здесь, верно?

— Да, — сказала Оля.

— Думаю, нам лучше будет поговорить в более спокойной обстановке, — заметил Сергей. — У нас к вам тоже есть вопросы.

Дома у Ильи и Настасьи

На улице действительно стало довольно шумно, но Сергею и Оле было интересно смотреть из окна на окружение. Узкие улицы, по которым проезжали всадники на лошадях, телеги, кареты, запряжённые лошадьми, быками, волами; парящие сверкающие на солнце небольшие светло-серые шары; дома в два-три этажа, на каждом по несколько окон, покрашенные в разные цвета, разделённые или включающие в себя лавки с различными продуктами, одеждой, зельями, травами, книгами, свитками и т. п.

Большинство домов были каменными, украшенными рустами, или деревянными с резьбой и остроконечными крышами. Нередко они разделялись дорогами и дворами, а также зданиями с необычной архитектурой: зданиями-колоннами, ромбовидными, пирамидальными, спиралевидными, а также левитирующими и даже метаморфозными. Проходили мимо левитирующей школы магии «Магистрат», мимо Театра драмы и комедии, словно опирающегося на четыре большие колонны со всадниками и вращающимися энергетическими шарами, мимо волшебного парка, мимо частного сектора, где жили чародеи и чародейки, маги, волшебники и т. п. Обо всём Оле и Сергею рассказывали поочерёдно то Настасья, то Илья.

Наконец карета остановилась напротив красивого особня-

ка, который размерами и формой выделялся среди других домов и располагался на территории, огороженной живой изгородью из туи. Однако ворот, как и какой-либо охраны, не было.

— Здесь магический барьер, — пояснил Илья. — Подобно тому, что используется в школе магии. Разница только в том, что войти могут только те, кому лично я или Настя разрешаем.

Вся компания вышла из кареты, и Сергей с Олей смогли полностью рассмотреть особняк, больше похожий на замок. В глаза сразу бросились несколько остроконечных башен, расположенных по периметру всего здания и по центру. В каждой по два-три окна друг над другом. Непосредственно над входом — высокая крыша, под которой показывали время (10:20) часы, очень похожие на электронные. Ну а между башнями возвышались отдельные, большие и маленькие, пологие и острые крыши из черепицы. Фасад особняка был украшен рельефной росписью между большими окнами на первом этаже (видимо, там располагались банкетный и гостевой залы, парадная столовая и т. д.) и окнами поменьше на втором и третьем этажах. К крыльцу вела довольно длинная аллея, крытая полупрозрачной округлой крышей, а перед ней через ров был перекинут небольшой мостик.

Оля и Сергей смотрели на этот дом, раскрыв рты, пока Сергей не опомнился и спросил:

— Зачем тебе такая громадина?

— Помнишь, как мы любили играть, притворяясь, будто находимся в доме или замке с призраками? Вот я и захотел пожить в таком подобии замка. Все эти каменные коридоры, камин, большие окна, свечи в канделябрах — это так круто!

— Да, ты не изменился в этом смысле, — улыбнулся Сергей.

— А то! Да и зачем? Некоторые мечты не забываются и даже исполняются, — многозначительно сказал Илья.

Оля и Сергей сразу вспомнили его историю. Точнее, ту её часть, которую девять лет назад смогла прочитать Оля.

— Да, это правда.

— Ну, пошли, — пригласил Илья.

Они прошли сквозь барьер, совершенно его не почувствовав.

— А ты думал, что будут видны какие-то пропускные границы? — с лёгкой ухмылкой спросил Илья Сергея. — Ничего такого нет, мы здесь не в кино или мультике.

За живой изгородью они увидели лужайку с клумбами цветов посередине, за ней — небольшой сад, также окружённый цветами. Здесь поддерживалась идеальная чистота, всё было ухожено, пострижено, цветы благоухали и были словно полны жизнью; однако никого из тех, кто следил за всем этим хозяйством, видно не было. На вопрос Оли, куда делись садоводы, Настасья ответила, что здесь всё поддерживается чарами и магией, когда необходимо, а в остальном сам кли-

мат подстраивается под каждое живое существо.

— Подстраивается? — удивилась Оля.

— Сразу видно, что вы с Сергеем ещё ничего не знаете об этом мире. Илья был в своё время таким же. Здесь всё строится на магии и на уважительном взаимодействии с природой. И каждое существо живёт здесь именно с тем комфортом, который нужен именно ему. Для кого-то идёт дождь, и в это же время для другого светит солнце. Бывают и исключения, не всегда всё работает стабильно (этот мир всё-таки не идеален), но в основном всё именно так. Если вам нужно в магазин, вы заходите в помещение, где, кроме вас, никого нет. Для других существ так же. Таким образом, никогда не бывает очередей. Или, например, левитация. Когда мы проезжали мимо школы магии — Магистрата, вы видели, что она левитирует, и чтобы в неё попасть, тоже нужно воспользоваться полётом — для этого, кстати, есть специальные левелифты, если будущий маг ещё не владеет такой силой. То есть здесь законы магические, а не физические. Ну а физику создаёт магия. Или возьмём переход дороги. Подходите к проезжей части, видите тоннель, заходите и оказываетесь на другой стороне: там, где нужно, — нет необходимости чего-то ждать, опасаться. Я в вашем мире не была, но из рассказов Ильи узнала, что на дорогах нужно быть осторожными. Кроме того, как вы уже видели, население здесь составляют различные виды существ. Хотя в вашем мире тоже большое разнообразие, но здесь... как это сказать... на

языке вертится...

— Фэнтези, — пришёл на помощь Илья.

— Да, точно! Забыла слово. В общем, можете этот мир называть фэнтезийным.

Они неторопливо прошли по вымощенной красным кирпичом дорожке, пересекли округлый мостик надо рвом, заполненным водой, где плавали утки (Сергей с Олей ненадолго остановились, чтобы понаблюдать за ними), затем прошли по аллее до крыльца. Всё это время они почти не говорили (после краткого объяснения Настасьи), потому к входным дверям пришли в тишине. На дверях были вычурные ручки, но ни одного намёка на замок. Илья подошёл к одной из дверей, перед ним материализовался экран, в который он посмотрел. Через секунду раздался мягкий женский голос: «Пожалуйста, проходите, хозяин. Добро пожаловать, дорогие гости», — и двери распахнулись.

— Так здесь ещё и технократия! — воскликнула Оля.

— В вашем мире так, наверное, и называется, но здесь я бы назвал это Sci-Fi фэнтези, — сказал Илья.

— «В вашем»? — удивился Сергей.

— Я помню, что сам из того мира, но здесь я уже сколько? Девять лет. Вот и привык, что этот мир мой, а тот — ваш. Хотя я и люблю средневековое фэнтези, — обратился Илья к Оле, — но против технологий и науки ничего не имею. С ними здесь намного круче!

Настасья нежно улыбнулась мужу.

— Да, ты у нас крутой!

— Милости просим, заходите, — жестом пригласил Илья гостей.

— А раньше ты по-другому общался, — заметил Сергей, проходя внутрь.

— Отыгрыш роли затянулся. Теперь я уже даже не отыгрываю. Но себя молодого и красивого забывать не собираюсь!

Они вместе посмеялись. А потом Сергей сосредоточился на созерцании внутреннего убранства особняка. Прихожая была маленькой, но почти сразу расширялась в большую гостиную, у каменных стен которой по периметру стояли латы и доспехи, а сверху между окнами свешивались плотные красные занавеси с золотыми рисунками драконов. Под высокими потолками висели громадные люстры с десятками свеч, которые никогда не сгорали, что было видно по их одинаковым размерам и отсутствию застывшего воска.

Возле больших окон располагались деревянные столы и стулья. Сергея немного удивил такой выбор мебели, поскольку он считал, что сидеть на подобных стульях неудобно. В ответ на это Илья продемонстрировал, как деревянный стул при нажатии на кнопку сбоку сиденья превращается в мягкий и удобный с откидной спинкой. Красные дорожки вели к большим двустворчатым дверям, расположенным в начале гостевого зала по обеим сторонам и также в конце. Одна дорожка оканчивалась у статуи, которая была словно

копией статуи на площади при входе в город, только меньшего размера.

— Пройдёмте сюда.

Илья повернул налево. При его приближении двери автоматически распахнулись, и когда все прошли, также сами закрылись. Перед гостями был ещё один большой зал с длинным столом посередине и белыми прозрачными занавесями на окнах, благодаря чему в зале было очень светло. Настасья щёлкнула пальцами, и несколько близких к ним стульев выдвинулись из-за стола, приглашая всех присаживаться.

— Хотите поесть, выпить чего-нибудь? — спросила Настасья.

Не успели Сергей с Олей ответить, как на столе по приказу Настасьи появились различные блюда и напитки: шампуры с шашлыком из баранины, салаты, включая камчатский, большая кастрюля борща, ржаной и пшеничный хлеб, небольшой бочонок эля (с краником), пара графинов лимонада и простой воды, а также бутылка в форме бабочки с разноцветной жидкостью внутри. И в качестве апофеоза посередине этого разнообразия поместился на большом подносе целиком зажаренный поросёнок с яблоком в пасти.

— Ух ты, вот это да! — почти одновременно восхитились и удивились Сергей с Олей.

— А это что? — поинтересовался Сергей, подойдя к столу и взяв бутылку-бабочку. С двух сторон переливающимися символами было что-то написано, но разобрать Сергей не

смог.

— Нажми и удерживай выпуклость под надписью, — посоветовал Илья.

Сергей так и сделал и прочитал, что это двадцатиградусный ликёрный коктейль из пыльцы серебристых бабочек, обитающих в восточных землях.

— Это первый напиток из привозных, который я попробовал, — сказал Илья. — Правда, в то время я не мог его себе позволить, но когда смог, то сразу же купил. А вот этот эль, — он указал на бочонок, — первый здешний, который я попробовал. Называется «Чёрный ореандр». Пятипроцентный.

— Ну что, — сказала Настасья, — давайте поедим, а потом поговорим о делах.

Илья и Настасья узнают правду

— Ох, спасибо за еду, было очень вкусно! — похлопал себя после трапезы по животу Сергей, откинувшись на спинку стула.

— Да, большое спасибо, — сказала Оля, тоже откинувшись.

— Пожалуйста, — ответила Настасья.

— Итак, можем теперь поговорить? — спросил Илья.

— Да, — ответил Сергей.

— Почему вы так удивились, что я тебя помню?

— Оля... — начал Сергей, но Оля его опередила.

— Я стёрла твою память о нас после инцидента девятилетней давности.

Сергей удивлённо посмотрел на неё.

— Раз это сделала я, то лучше мне и рассказать всё прямо, а не ходить вокруг да около, — объяснила она. — Да и времени у нас, думаю, не так уж много.

Сергей повернулся к Илье. Тот не сдерживал улыбки.

— Клёво! Мне стёрли память!

Илья встал из-за стола, прошёлся.

— Но почему же тогда я тебя помню, Серёга?

Сергей пожал плечами:

— Не знаю.

— А помнишь тот самый инцидент? — спросила Оля.

— Да. Мне и Настасья рассказывала. Я только не помню, как выглядели боссы.

— Оля, ты ведь сказала, что стёрла воспоминания о нас, словно он никогда нас не видел и не знал, правильно?

— Да, верно.

— Я хочу уточнить: о нас или об образах тех боссов? — тут Сергей осёкся, понимая, что, возможно, зря он сказал про те самые образы.

— Я... я не знаю уже, — растерянно сказала Оля.

— А что это были за образы? — поинтересовался Илья.

Он и Настасья смотрели на Сергея и на Олю.

«Твою мать! — выругался про себя Сергей. — И дёрнул же меня чёрт за язык!» На помощь пришла Оля.

— Я расскажу им то, что тогда сказала тебе, Серёжа. Когда ты попал в этот мир, Илья, ты встретился с чародейкой Марианной.

— Марианна? Не помню...

— А я припоминаю, — вставила Настасья. — Но мы после победы о ней не говорили. Наверное, как раз потому, что ты не помнил, — она посмотрела на Илью. Он просто пожал плечами: «Возможно».

— В общем, да, была такая. Так вот, у тебя было видение, в котором ты увидел так называемых боссов, которые убили Настасью, и ты поклялся отомстить им — убить их. Дело в том, что эти образы создала Марианна и инсценировала в твоём видении смерть Настасьи. И эти образы — я и

Сергей. Марианна, на самом деле, тёмная часть нашей дочери Юли. У неё есть причины избавиться от нас, и она решила использовать тебя для этого. Ты был её марионеткой. С помощью «Твоей игры» ты проник в наш мир, где попытался убить нас. Так вот, мы и были этими боссами. Но у тебя не получилось, поскольку я успела прочитать твою историю, когда посмотрела тебе в глаза, и тогда решила, что для тебя же лучше, если ты забудешь нас (особенно Сергея), Марианну и останешься в этом мире, который тебе так нравится и где ты и Настасья вместе. Но при этом будешь думать, что победил.

Оля выдохнула. Илья с Настасьей переглянулись. Илья расстроено спросил:

— Так значит, не было никаких боссов?

— Не было, — покраснев, сказала Оля. Неприятно царапала горло правда, которую приходилось говорить, особенно учитывая, что Оля сама внушила Илье, что боссы существовали.

— Жаль... А ведь все жители знают эту легенду, даже Великий Дракон сам избрал меня за эту победу, — Илья опустил голову.

Настасья обняла его.

— Ну, не расстраивайся. Уж лучше знать правду, чем жить во лжи.

— Но для меня это и было правдой, я это *помнил*! А сейчас оказалось вот как.

— Эй, Илья, но зато ты не убил своих друзей — это же хорошо, а не плохо. А для меня ты всё равно герой — принял спокойно правду, не стал рвать и метать.

— Ага... Может, так даже лучше: теперь я знаю, что произошло на самом деле. Но как ты смогла прочитать меня? — спросил он у Оли.

— Это довольно сложно объяснить, но кратко — я вхожу в число сильнейших магов во всех мирах, и у меня был очень хороший учитель.

— Ух ты, ни фиги себе, круто!

— Но сегодня я поняла, что очень слаба и не могу понять почему. Правда, я девять лет никак не поддерживала себя в форме... — задумчиво сказала Оля, взявшись за подбородок и слегка опустив голову.

— Кстати, а что за Великий Дракон? — спросил Сергей.

— Это наш символ. Он означает надёжность и безопасность, и он хранитель наших сил и знаний. И только с приходом Ильи оказалось, что Дракон не просто символ, но и реальное существо, которое все увидели впервые после тех событий. Именно тогда Илья и сделал мне предложение, прямо в зале форума, — Настасья счастливо улыбнулась при этом воспоминании.

— Ладно, вы мне рассказали, как всё было на самом деле. Теперь расскажите, зачем вы здесь, — сказал Илья.

— С нашей Юлей что-то произошло, — сказал Сергей. — Словно события тех времён вернулись, и теперь... не знаю...

тёмная Юля снова с нами. Мы сюда пришли, поскольку наша дочь говорила как будто в бреду про тебя, Илья, про Механический город...

Илья и Настасья переглянулись.

— Потом она уснула, — продолжил Сергей, — а мы с Олей обнаружили на ноуте «Твою игру», версию 2.0, как я её назвал. Через неё у нас получилось зайти на игровой форум. Тот, куда ты, Илья, заходил девять лет назад. И теперь мы здесь. Надеялись, что найдём тебя и ты сможешь как-то помочь, чтобы спасти нашу дочку. Заодно, возможно, сможешь кое-что объяснить.

— Что?

— Ну, когда мы вошли в игру, то всё было чёрно-белое, но, начиная с форума, всё стало цветным.

— Нет, это я вряд ли смогу объяснить, — сказал Илья задумчиво. — Возможно, вам самим нужно найти ответ. А вот насчёт Механического города, вполне возможно, поможем.

— Небо затянуло, — заметила Настасья, посмотрев в окно. В зале заметно потемнело.

— Я думала, здесь климат подстраивается, но сейчас как-то немного некомфортно, — сказала Оля.

— Да, так и есть. Это, видимо, потому что Илья всё-таки расстроен услышанным. Даже природа ему будто сочувствует, всё-таки он здешний правитель, — Настасья легко и грустно улыбнулась. — Раньше такого не было, — затем она закрыла на секунду глаза и сказала: — Всех остальных жи-

телей изменение погоды не коснулось, только нас.

— Прямо совпадение, что так получилось, — сказал Илья.
— Ну, погода моей воле всё-таки не подчиняется, поэтому извините за неудобства.

— Воле... — Оля словно что-то вспомнила. — Серёжа, кажется, я поняла, почему здесь всё такое цветное (правда, сейчас красок поубавилось).

— И почему же?

— В этом мире хозяин Илья. Великий Дракон, похоже, не лезет в его дела. А вне этого мира хозяйничает Юля — тёмная Юля...

— Да, теперь всё ясно. Значит, и Механический город...

— ...её территория.

— Я не знаю, сможем ли мы помочь вам со спасением Юли, но кое-какая информация у нас есть, и вам она не понравится, — сказал Илья.

— Нам любая помощь пригодится.

— Во-первых, — сказала Настасья, — никто из тех, о ком нам известно, не возвращался оттуда. Мы сами посылали разведчиков. Не для того, чтобы шпионить, а просто интересовало, безопасно ли туда ходить, стоит ли. Вы и сами видели, что город мрачный. Никто не вернулся.

— Во-вторых, — продолжил Илья, — мы не сможем вас сопровождать, только указать дорогу. Уж не обессудьте.

— Насчёт этого не беспокойтесь, это уж наша забота. Спасибо за информацию, — сказала Оля.

За окном посветлело, краски стали ярче.

— Итак, я решил, — встал со стула Илья. — Я расскажу народу и Великому Дракону правду о том, что случилось. Иначе не смогу спокойно смотреть им в глаза.

За окном и в зале стало заметно светлее и богаче на цвета.

— А Великий Дракон не сможет нам как-то подсобить? — спросил Сергей. Посмотрев на Олю, добавил: — Ну мало ли, вдруг...

— Я не знаю, — ответил Илья. — Нужно с ним встретиться и узнать у него. Однако сразу должен вас предупредить, что это может быть не просто.

— В каком смысле? Он может не захотеть с нами встретиться?

— Нет. Он может захотеть вас испытать, — Илья на несколько секунд замолк. — И на кону могут оказаться ваши жизни.

Сергей и Оля переглянулись.

— Наверное, стоит попробовать самим, — предложила Оля.

— Согласен, — кивнул Сергей. И тут же у него возник внезапный вопрос: — А у вас есть дети?

Вопрос этот ничуть не смутил ни Илью, ни Настасью. Только Оля немного удивлённо взглянула на него.

— А что? — пожал плечами Сергей. — У нас есть Юля, вот и у них, наверное, дети есть.

— Да, — ответил Илья. — Евгений, наследник престола.

— Только он сейчас в «Магистрате», поэтому тут его нет,
— сказала Настасья.

— Ясно, учится. Хорошо, — Сергей, как и Оля, улыбнулся с оттенком грусти. Илья и Настасья всё поняли — они подумали о Юле.

— Вы хотите выдвинуться сейчас? — спросил Илья.

— Да, — вместе ответили Оля и Сергей.

Настасья убрала со стола так же, как и накрывала на стол — по её приказу посуда исчезала. Илья в это время приказал подать карету, и вскоре все четверо ехали к выходу из города. Проехав ворота, карета повернула направо и направилась по пыльной земляной дороге к мосту через реку. Минув мост, она поехала в сторону озера, где были разбросаны группки домов крестьян.

— Кстати, — вспомнил Сергей, — мы ведь так и не узнали, почему Илья всё помнит.

— Знаешь, Серёжа, сейчас не до этого, я вообще думать не могу об этом, — сказала Оля.

— Да, сейчас у нас другая задача, верно.

— Если это будет важно, потом уже подумаем. Мне кажется, всё просто, но оставим пока эту тему.

— Конечно.

Крестьяне, которые встречались по пути, учтиво кланялись карете, зная, что только в такой карете, запряжённой двумя конями, едет милорд. Так они проехали пасущийся на лугах домашний скот, одноэтажные деревянные дома и

подъехали к лесной просеке. Через минут двадцать карета остановилась, и все вышли. Сергей и Оля увидели, что просека тянется дальше, однако воздух впереди словно колебался, как это бывает над костром или в пустыне с горячим песком.

— Впереди — граница, выход за пределы наших земель, — сказал Илья. — Любой, кто переходил на ту сторону, не возвращался, поэтому мы не знаем, что вас там будет ждать. Отговаривать вас бессмысленно, поэтому просто пожелаю вам удачи. Будьте осторожны. Надеюсь, мы ещё увидимся.

— Да, удачи вам, друзья, — сказала Настасья.

— Спасибо, — сказала Оля.

— Спасибо, — эхом отозвался Сергей.

— Не хотим прощаться, поэтому — до встречи! — Илья пожал руку Сергею и кивнул Оле.

— До свидания, — кивнула Настасья.

Сергей и Оля развернулись, взяли за руки и шагнули в искажённый воздух. Илья и Настасья ещё несколько секунд смотрели им вслед, потом Илья сказал:

— Ладно, Настя, поедем обратно, у нас есть дела.

Карета развернулась, и они поехали в город. Илью одолевали тревоги и сомнения.

Уровень 1

Кошмар Оли: смерть и любовь

Пройдя через границу, разделявшую Мечту и дорогу в Механический город, Оля оказалась словно в другом мире. И мир этот — её собственная квартира. Ночь. Одиночество. Тишина. Свет выключен. Она смотрит на свои руки. Осталось ощущение, словно она кого-то держала за руку, но оно быстро исчезло. Она смотрит перед собой: две зажжённые свечи и зеркало. Одна в квартире, где живёт уже много лет, за окном зимний вечер. Оля сидит на стуле. На какой-то момент, как будто из подсознания, призрачно мелькает мысль: «Почему я здесь?..» — но потом она растворяется, словно её и не было.

Во всех комнатах царит гнетущая мрачная атмосфера. Нет, это не мрак — тьма. Лишь две свечи перед зеркалом разгоняют её, заставляя отступить в зал и спальню. Оля не может прямо сейчас посмотреть туда, но там царит самая настоящая тьма. Она кажется такой зловещей и пугающей, но такой неизвестной и притягательной. Такая красивая и сводящая с ума... Она там, куда не проникает свет огня. Не везде есть место для света. Не везде...

Оля сидит в коридоре на стуле, откинувшись на спинку, и смотрит на огонь этих двух свечей. Ей нравится их ровное пламя. Оно изредка сбивается, чуть-чуть, и в такие моменты тени начинают двигаться. Но недолго. Через пару секунд они

вновь замирают в ожидании... Ждут, когда свет потревожит их покой. Без света они ничего не могут сделать. Он нужен им. Тени ненавидят свет, но он нужен им. Они живут, пока он есть.

Но Оля не смотрит на тени. Огонь. Чтобы жить, огню нужно так немного — просто дышать. Две свечи, тающие и тающие... Огонь, две свечи и открытая Библия между ними. Ветхий Завет, Книга Бытия.

Пусть свечи и горят, но не везде есть свет. Оля смотрит прямо перед собой. На зеркало. Или в зеркало... Она не знает, просто смотрит. Овальное зеркало среднего размера. Обычное комнатное. В такой же овальной раме романского стиля, висящее на стене за свечами, чуть выше них.

Что оно ей показывает? Стены, тени, свечи... Оля видит много отражений. Видит свет и тьму. Только Библию не видит, она слишком низко лежит.

Оля наклоняется вперёд и хочет взять её в руки. В этот момент она вспоминает карточные игры-ужастики, в которые так любили играть подростки. Незабываемая и самая, наверное, знаменитая — пиковая дама. После неё — крестовый валет. Что-то ещё было, но эти две игры единственные, которые она может вспомнить. Или хочет... Однако важно другое: подчёркнутые строчки в Библии. Подчёркнутые чёрным. Она не знает, не помнит, почему, кто их подчеркнул, когда. Может, это всего лишь её воображение. Она ведь даже не может сказать, подчёркнуты ли они. Может, только она

сейчас это видит... Даже если и так, она всё равно об этом не узнает. Она одна. И с одной стороны её освещает огонь свечей, а с другой — поглощает тьма.

Книга будто сама двинулась Оле в руки, так мягко и легко, как пёрышко. Проскользила по воздуху, вызвав приятные ощущения от её прикосновения. От неожиданности Оля вздрогнула. Но испуг — всего лишь рефлекторная реакция на возможную опасность. Впрочем, опасности сейчас нет, и страх не охватывает её, уступив место мысли: она взяла (но взяла ли?) эту книгу в руки в первый раз. По-настоящему взяла, чувствуя её силу, как будто нацеленную в души и умы слабых и отчаявшихся, а не так, как берёт любую другую книгу, чтобы просто почитать или просмотреть её.

Оля видит мягкое белое свечение, обволакивающее Библию. Оно передаётся её рукам, словно аура, последовательно поднимается по ним. Медленно. Едва ощутимое тепло. Её руки словно едины с книгой, которую они держат. Она видит свет. Постепенно он обволакивает её, и она медленно приближается спиной к спинке стула, не отрывая неморгающих глаз от зачаровавшего её зрелища.

Свечи жадно поедают воздух, но огонь остаётся ровным, и тени неподвижны. Тихо. Абсолютная тишина. Сначала Оля не обращает на это внимания. Тихо было и до того, как книга оказалась у неё в руках. И свечи так же горели, лишь изредка заставляя оживать тени. Но она полностью поглощена светом. И ничего не видит, не замечает.

Она ещё двигается, но уже чувствует касание спинки стула. Всё ещё зачарованная светом, опирается о спинку. Волшебнo... Конечно же, вечно это длиться не может, и Оля моргает. Как будто пробуждается от гипноза. Словно кто-то щёлкнул (только беззвучно) пальцами, чтобы она проснулась. Она замечает это не органами чувств, но иначе. Как будто шестое чувство... Правда, в этом Оля сомневается.

Что-то изменилось. Огонь, тишина, тени... Всё как-то изменилось. Этот огонь. Эти тени. Эта тишина. Этот мир... Она чувствует, что...

Мир остановился.

Как будто поставлен на паузу. Или вымер... Всё застыло. И жизнь тоже.

Её руки согнуты в локтях, в них раскрытая книга, к которой они будто приклеены. Словно единое целое. Она смотрит на страницы и понимает, что не может разобрать текст. По спине пробегает холодок. Она понимает: это древний иврит, язык оригинального текста Ветхого Завета¹. Она не знает, откуда такая уверенность, откуда она знает это. Просто знает, и всё. Но две строчки отличаются. Те, которые подчеркнуты, как будто самые важные сейчас. Или вообще. Оля не знает. Отличаются только тем, что подчеркнуты.

¹ На древнееврейском языке написано подавляющее большинство книг Ветхого Завета. См.: URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/bibliologicheskij-slovar-tom-1/438>.

בְּדַמוּתָנוּ בְּצִלְמֵנוּ אָדָם נַעֲשֶׂה

אֱלֹהֵי בְרוּא אֱלֹהִים בְּצֶלֶם, בְּצִלְמוֹ אֶתְהַאָדָם אֱלֹהִים וַיִּבְרָא

И всё. Больше она ничего не видит, кроме непонятного ей языка.

Оля смотрит на эти строки, пытаясь понять. Хотя что-то. Но безрезультатно.

Она хочет оторвать свой взгляд от этих строчек. С трудом, но ей это удаётся. Она закрывает глаза, делает глубокий вдох, выдох, медленно поднимает голову. Как будто собирается с духом. Не открывая глаз, по её ощущениям, ещё пару секунд. В это время до неё доходит, что она может двигать головой. Сразу же приходит уверенность, что также может двигать и остальным телом. Потом открывает глаза.

Она не видит своё отражение в зеркале. Ни себя, ни Библии, которая будто приклеилась к её рукам. Только очень расплывчатую тень, отдающую мягким белым свечением. Она немного пульсирует, слабея с каждым таким пульсом, но свет остаётся неизменным.

Оле вспомнились строки песни «Но никто-никто не узнает, но никто-никто не увидит, кто её тайно...». Раньше это звучало бы забавно. Но сейчас её переполняет ужас. Потому что...

Слова в песне изменились, и песня перестала быть песней.

«Не узнает. Не услышит. Не увидит. Никто». Она знает это. И ей страшно.

Тень в зеркале пульсирует всё тише, напоминая кардиограмму. Как биение сердца. Всё тише и тише... А Оле не остаётся ничего другого, кроме как ждать. Она не может закрыть глаза, не может отвернуться, не может двигаться. Не потому, что вообще не может. Она пробует отвернуться, но зеркало перед ней, куда бы она ни посмотрела. Собственно, только головой Оля сейчас и может вертеть. Поэтому она просто ждёт, с «приклеенной» к рукам Библией. Чего ждёт? Сначала она не понимает. Но потом становится ясно. Оля ждёт, пока пройдёт страх, совершенно не осознавая этого ожидания. Нет, не страх — ощущение ужаса. Ждёт, чтобы вернулся разум и она поняла ещё кое-что. Тень в зеркале бьётся в такт её сердцу. И это не совпадение по ритмичности. Тень и есть её сердце. И ещё мягкий белый свет, окружающий её.

Как только приходит понимание этого, тень перестаёт пульсировать. Перестаёт биться. И сердце Оли тоже. Приступ ужаса. Тень рассыпается, как сухая земля, с самых краёв рассеиваясь дымом. По мере её исчезновения окружающий её ореол света сужается, становясь всё меньше и меньше. словно эта «земля» была для него опорой, и только на ней он мог удерживаться. Но едва ли было так. Просто «земля» стала сухой, и ореол может сжиматься, всеми сторонами приближаясь к своему основанию. Ужас сменяется стра-

хом. Нет, тревогой, которая поднимается в Оле. Она не знает, что произойдёт, но боится, что свет исчезнет. Пока он не превращается в маленькую светящуюся точку. И Оле внезапно становится спокойно. «Неужели это я?» — задаёт она себе вопрос, продолжая смотреть в зеркало, в его нижнюю часть, где на фоне неподвижных огня, теней, стен светится маленькая точка. «Светлячок», — думает Оля и улыбается. Маленький светлячок. Он как будто не в зеркале, но в то же время там. На границе между двумя мирами, такой тонкой и хрупкой. «Это я?» Нет. И да.

Оле вдруг хочется подойти поближе, прикоснуться, почувствовать его.

И она чувствует, что может двигаться. По телу пробегает лёгкий холодок, и краем глаза она улавливает, что свечение, окутывавшее её, исчезло. Но Оле всё равно. Сейчас имеет значение только одно. И это перед её глазами.

Она поднимается. Медленно или быстро, ей неизвестно, но поднимается и, наклоняясь немного вперёд, будто куда-то осторожно всматривается, подаётся к этой маленькой точке, которая так и тянет её к себе. Оля протягивает руку, но не разгибая её до конца, только наполовину, делает маленький шаг вперёд, ещё один... светлячок так близко... Но так далеко.словно... удаляется?... И она... касается гладкой и холодной поверхности зеркала.

Должна была коснуться.

Мозг моментально реагирует так, что должна была, по-

этому Оля чувствует касание на какое-то мгновение. На то мгновение, пока не понимает, что её пальцы уже на четверть прошли сквозь эту отражающую поверхность. Или, возможно, внутрь неё.

В испуге она отдёргивает руку, будто коснулась чего-то очень горячего, кажется, сама даже немного отступает назад. Это происходит автоматически, просто инстинкт. Уже потом она понимает, что, на самом деле, ничего не почувствовала, как будто нет никакой поверхности. Но сначала была прохлада. Прохлада зеркальной поверхности, которую Оле дали ощутить нейронные сигналы мозга.

Одновременно она вскрикивает. Так ей кажется. Но звука она не слышит.

Мир замер. Звук — это механические колебания, по крайней мере, в том мире, к которому Оля привыкла. Да только эти колебания не могут сейчас распространяться. Она обращает внимание на то, что у неё не колотится сердце, как это обычно бывает при испуге. Но сразу же успокаивается: «Оно остановилось ещё раньше, когда рассыпалось его, сердца, отражение... Странное было отражение...»

Ей становится смешно. Смешно от того, что мысль о небьющемся сердце её успокоила, хотя чуть раньше эта же мысль вызвала самый настоящий ужас. Забавно звучит. Звучит в Олиных мыслях. Известное и осознаваемое всё-таки успокаивает. Может, не всегда, но в данном случае определённо так. Теперь она может собраться с мыслями.

Точка по-прежнему перед Олей, она её видит. Однако пока тянулась к ней, что-то происходило. Ей казалось или точка действительно как-то отдалялась, смещалась, дальше от Оли, вглубь того мира, который отражает зеркало? Или который существует в зеркале. В памяти мелькает: зазеркалье. Она не знает, всё может быть. С того момента, как Оля увидела собственное сердце вместо своего отражения, уже всё может быть. Но сейчас точка там, где и была ранее. Выходит, точка удалялась от Оли по мере её приближения? Эта мысль не удивила. Только немного жаль...

Оля внимательно смотрит на зеркало. Вроде ничего особенного. Осторожно пробует ещё раз к нему прикоснуться. Да, действительно, пальцы проходят сквозь. Или входят внутрь?.. «Что же происходит?» Она не находит ответа. Смотрит на свои руки, пальцы, ладони. Всё как обычно. Прикасается к своему лицу. Осязает его. Подносит ладонь к огню. Как и ожидалось, ничего не чувствует. Но причина, как ей кажется, не в том, что мир остановился. Огонь проходит сквозь ладонь. Точнее будет сказать: ладонь прошла сквозь огонь. Потом сквозь свечу. Сквозь подсвечник. Вот она проходит сквозь шкафчик.

А потом Оля замирает. Она вспоминает Библию, которую держала в руках... Где она? Книга была словно приклеенная — при всём желании она не смогла бы запросто отнять её от своих рук. Оле на мгновение становится страшно, но она старается совладать с собой и спокойно — во всяком случае,

изо всех сил старается себя так чувствовать — оглядывается. Даже если бы сердце Оли билось, в эту секунду оно точно бы замерло. От увиденной боли, которую она почувствовала — и это было непостижимо. Есть ужас — страх, но есть и другой ужас — боль.

Сергей смотрит прямо перед собой. Глаза не блестят больше жизнерадостностью. Сквозь линзы очков виден его потухший, усталый, очень одинокий взгляд. Опухшие покрасневшие веки, мокрые от слёз. Две прозрачные слезинки — они не успели упасть, когда мир остановился, — выделяются на впалых бледных щеках. В воздухе зависли две другие слезы, такие же чистые и прозрачные. В них в миниатюре отражается его серая футболка, не слишком коротко подстриженные каштановые волосы. Его брови несколько сдвинуты, придавая ему серьёзный вид, а тонкие губы плотно сжаты. На переносице довольно стильные очки металлического цвета с трапециевидными ободками. И взгляд, в котором столько боли, столько одиночества... Да, он очень красив и мужественен, даже со слезами. Но Оля не хочет видеть его таким. Она не хочет видеть взгляд, выражающий боль и одиночество. Она понимает, что бессильна сейчас. Она не может даже прикоснуться к нему. «Любимый...» — беззвучно шепчет она, подходя к нему, протягивая свою руку, чтобы провести по волосам, обнять... Но, как и с зеркалом, её пальцы, ладонь проходят сквозь его волосы. Оле очень хочется его

обнять, сказать, что она с ним, рядом. Она готова продать душу дьяволу ради него. Ради его улыбки, счастливых глаз. Ради его счастья. Но она ничего не может сделать. Совсем ничего. Она может только смотреть. На этот остановившийся мир.

Оля сжимает кулаки и закрывает глаза. Если бы она могла плакать, то слёзы выступили бы из закрытых глаз. Ей хочется, очень хочется. Но она не может даже этого. Эмоции берут верх, и Оля вскидывает руки и кричит. Звука нет, но как будто ей становится легче. По крайней мере, она немного приходит в себя, хоть и остаётся в мире невероятной боли и одиночества.

Её взор вновь обращается на него, застывшего любимого, и Оля видит: руки его на коленях, а в них — Библия. Книга раскрыта на той же странице, что и тогда, когда была в Олиных руках. На фоне неизвестного Оле языка выделяется одна подчёркнутая строчка, теперь ей понятная:

И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему².

Олю захлёстывает волна страха и отчаяния. «Что же это такое?..» — отчаянно звучит в голове вопрос без ответа. Она закрывает ладонями лицо и какое-то время так стоит. Её мысли хаотичны. Страх, боль, отчаяние, одиночество. Лю-

² Бытие, 1:26.

бовь. К нему. Оля вспоминает их счастливые дни, вспоминает другого Сергея. Счастливого. Ей будто теплее от этих воспоминаний, но в то же время ещё больнее. Она понимает: сейчас мир другой, не тот, что раньше.

И чувствует свою вину в этом.

Оля знает: он сказал бы, что всё хорошо, что никто ни в чём не виноват, он обнял бы её, поцеловал. Он был бы рядом. Он всегда был рядом. Он был её ангелом-хранителем. Его голос, объятия, поцелуй, просто присутствие... Он — часть её души. А сейчас она может только смотреть... Она рядом с ним, так близко... но её нет. Он один. Один, когда она так сильно ему нужна.

Страх исчезает. Страх за себя. Теперь Оля боится за него. И только одна мысль мелькает у неё в голове. Как молния. Оля опускает руки и смотрит на него. «Клянусь Богом, что не оставлю тебя». Да, она сделает всё, чтобы он был счастлив. Теперь она чувствует решительность и готовность к любым сюрпризам. Чувствует, что может победить. Кого, что — она не знает. Точно так же не знает, что и как ей делать, не знает, что вообще происходит. Но ей всё равно. Она знает, что это только сейчас всё непонятно, неизвестно. Хотя, на самом деле, где-то в глубине есть чувство того, что ей уже становится всё понятно. На мгновение будто что-то щёлкает в сознании, будто мелькает какая-то призрачная мысль, что что-то (или всё) здесь не так.

Даже сейчас он с ней... Он дал ей силу и забрал страх.

Она подходит к нему и, осторожно наклонившись к его левому уху, шепчет: «Я вернусь к тебе. Я обещаю». Его слёзы чуть сдвигаются — так Оле кажется. Но мир остановлен, она знает это. Только потом она поняла, что не показалось.

Взглянув ещё раз на строчку из Библии (*«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему»*), Оля поворачивается к зеркалу, словно бы ожидая найти там ответы. Она не ошиблась. Только видит она в зеркале не ответы. Оля видит себя.

Она видит черты, которые делают её похожей на его отражение. На том же расстоянии от зеркала, в той же позе, с Библией в руках. И слёзы: две на щеках, две в воздухе. Также смотрит перед собой. Только... Всё-таки небольшой страх Оля чувствует, её даже немного передёрнуло. В целом же она в зеркале обычная.

Волнистые светлые волосы средней длины, тонкая белая шея, немного пухлые губы, лоб, наполовину выглядывающий из-под чёлки. Ни макияжа, ни серёг. В общем, обычная она. Но от двух деталей ей становится не по себе. У неё другой нет зрачков, только белки, подчёркнутые опухшими и мокрыми от слёз веками словно бы с чёрно-красными разводами. Ясно почему: веки покрасневшие, но вот слёзы... Не прозрачные, нет — чёрные.

В голове возникает образ любимого... Оля вспоминает, что её пальцы проходили сквозь эту отражающую поверх-

ность, и подходит к ней. «Другой мир...» — мелькает мысль. Интересно, какой он... Но, на самом деле, её интересует книга, которую держит та она. Оля догадывается, что там написано, но должна посмотреть. Хотя идти туда ей не очень хочется. Ей страшно. Но так надо. Так надо.

Она не собирается ждать чего-то. Всё равно, как ей кажется, не дождётся. Приблизившись к зеркалу, она протягивает руку, и та проходит сквозь холодную поверхность. Или входит внутрь?.. Протягивает вторую руку, и она так же исчезает внутри. После подаётся туловищем вперёд и, прежде чем её втягивает зазеркальный мир, успевает подумать: «А вдруг я не вернусь?»

Перемещение происходит мгновенно. Оля не успевает понять, что что-то вообще произошло. Как не чувствуешь боли при случайном порезе, а только потом вдруг обратишь внимание на ранку. Оля стоит лицом к зеркалу, в котором отражается он, её любимый. Она не может видеть выражения своего лица, но думает, что оно наверняка тупое и непонимающее. В какой-то момент Оля даже внутренне смеётся над собой: купилась на зеркальные фокусы! Однако уже в следующий момент понимает, что зря.

Она в её мире.

Всё то же, что и в реальном мире: те же свечи, стены, мебель, тени... Только в зеркале теперь он. А она — у неё за спиной. Всё ясно. Перемещение происходит именно так. Как

будто оно и не происходит вовсе. А после стоишь перед зеркалом, как и стоял до перемещения. И непонятно: то ли ты переместился, то ли мир. Или вообще ничего не произошло. Впрочем, сейчас для Оли это не имеет значения. Она поворачивается на сто восемьдесят градусов и видит себя, с белыми глазами и чёрными слезами.

Мир остановлен, но ей всё равно страшно. Оля знает: другая она живая. И это не только её глаза или слёзы. Это сам её мир. Это зловещая пустота, тьма, невидимая из-за свечей, но осязаемая явственно безнадёжность, переполняющая все мыслимые края этого мира. И это всё питается страхом и отчаянием. И чем его больше, тем сытнее.

Здесь умирает всё. Медленно и мучительно. Но ужаснее всего то, что здесь нет смерти, только умирание. Бесконечное умирание. Как будто нечто отменило смерть за долю секунды до её наступления. И Оля чувствует это. И ещё чувствует: если задержится тут, то сойдёт с ума. Это мир пустоты, безнадёжности и безумия. Мир, параллельный миру боли и одиночества. Но настолько ли параллельный, когда в него так легко попасть? Нет... У них есть нечто общее.

Внезапно Оля понимает, что уже задерживается, что надо действовать быстрее. Зачем она тут? Накрывает волна ужаса — она забыла! Она быстро оглядывается туда, где застыл её любимый, и захлестнувшая волна спадает. «Сделать то, ради чего я здесь. Сейчас или никогда». Последняя фраза в её мыслях немного её смешит. Но, действительно, лучше

сделать сейчас. Надо сделать сейчас. Оля быстро подходит к себе, стараясь не смотреть в глаза, и заглядывает в Библию. Всё то же: непонятный язык и одна подчёркнутая строчка, уже другая:

И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его³.

«И что? — думает она, перечитывая строчку. — Не понимаю...»

Она поднимает голову, смотрит на зеркало. Всё ещё называет это зеркалом... Видит ту самую точку. Мягкий белый свет. Светлячок. Ей становится легче. Надолго ли? Оля задумывается: видела ли она точку перед перемещением? Вроде бы нет... Как будто она куда-то исчезла. А сейчас появилась. Или всегда была?.. Может, Оля, отвлёкшись на что-то более важное, не замечала точку? Не обращала внимания? А сейчас обратила.

Светлячок располагается, как и прежде, в нижней части зеркала. Только сейчас за ним сидит Олин возлюбленный. Неподвижный. Светлячок на уровне его лица.

В её голове сложилось две строчки: *«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему».*

«И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его».

³ Бытие, 1:27.

Оля смотрит на светлую точку, чувствуя, как её самую окружает тьма — давящая, густая. И пустота, и безнадёжность. Они рядом, очень близко. И один из ответов на вопрос «Это я?», которые, она думала, сможет найти где-то здесь.

Раньше она задавала себе этот вопрос, на который так и не ответила. Вернее сказать, ответила неопределённо. «Это я?» Нет. И да.

Эта маленькая светлая точка...

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему», и Оля, та Оля, что у неё за спиной...

«И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его».

Теперь она уверена, что этот светлячок был там перед перемещением. Но, занятая более важным делом, она даже не обратила внимания на него.

«Это я?» Нет. И да.

Оля оглядывается. Где «подобие Наше» сейчас? И думает: «Дети вырастают».

Но...

Это лишь часть её души. При смерти, в вечной агонии умирания. Остановленный мир. Бездна пустоты, окружённая тьмой и пронизывающая безнадёжностью до мозга костей. Но своими белыми невидящими глазами она смотрит вперёд, прямо перед собой. И слёзы непрозрачные... Другая Оля тоже смотрит на светлячка. И не только на него.

Этот мягкий белый свет на уровне Олиного живота и под прозрачными слезами любимого. Она вспомнила Юлю.

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему».

Сколько она уже тут? Неизвестно. Однако она задержалась. Случайно? Нет, отнюдь. Она должна была задержаться. Если бы не спешила, не делала поспешных выводов, она бы и не задержалась. Но Оля допустила ошибку. Даже в этом мире был свет, только она его сначала не увидела. Испугалась себя. Первое впечатление может быть ошибочным. И поняла она это после того, как посмотрела на свою светлую часть, на своего любимого. Вот почему даже её тёмная часть живёт. Нет тьмы без света. И другая Оля всеми силами удерживает тьму, чтобы не разрушить этот свет. Этот мир стал тёмным, а не был таковым.

«...По образу Нашему, по подобию Нашему». Да, именно *нашему*. Да, по образу и подобию. Именно так, и не хочется думать иначе. Потому что мы как единое целое, мы как всё самое светлое — это новая жизнь. И другая Оля защитит любой ценой всё то святое, что у неё есть. Нет, не у неё — у них. Защитит всё.

Любой ценой...

Оля смотрит на него, смотрит из его мира и видит, как он мучается, как он страдает. Другая Оля смотрит на него, не

видя... Не видя чего? Именно поэтому её глаза белые, именно поэтому её слёзы чёрные. Оля закрывает глаза. Смотрит, не видя. Не видя того, что было на поверхности, не видя очевидного. То, что видно, если видеть, если смотреть.

Его слёзы.

Не везде есть место для света. Не везде... *Дети вырастают.* И то, что Оля почувствовала, когда только переместилась, было настоящей тьмой, которая скрыта в глубине её тёмной половины. Не впечатление — чувство. Впечатление было ошибочным, оно касалось другого, того, что на поверхности. Светлой частички тёмной половины. Именно эта частичка сначала показалась тьмой. Но Оля ошиблась. И заплатила за это огромную цену. Заплатила с тех пор, как любила.

Он знал то, чего не знала до этого момента она. Ей казалось, что она будет рядом с ним и сделает его счастливым. Обещала вернуться. Но нельзя обещать того, чего не сможешь сделать. Он знал это, и его прозрачные слёзы сдвинулись. Неизвестно как, но он её услышал. Наверное, услышал. Но даже в остановленном мире невозможно сдержать ту боль, которую он испытал. Он знал, что...

Её больше нет. «Но это неправда!» — промелькнула призрачная мысль и сразу растворилась.

И она не вернётся. Никогда. Но Оля этого не знала, она безумно любит его. Зачем она пообещала? Она знала, что вернётся? Нет. Она знала, что не вернётся? Нет. Она про-

сто была уверена. Самообман, спровоцированный слабостью безумной любви под названием «сверхсамоуверенность». Настоящая тьма воспользовалась этой слабостью, чтобы обмануть, скрыть своё желаемое с помощью её любви. Маскировка, за которой боль и страх. А они так нужны тьме. И показала, даже нет — внушила Оле другое: благое и сильнейшее, но слепое, её, как Оля думала, желание не покидать своего любимого, вернуться. Чтобы избавить его от боли, себя — от страха за него. Всё с точностью наоборот.

Но именно эта же любовь дала Оле силу увидеть тьму. Поэтому она здесь. Кто она? Та, которая переместилась? Она смотрит на своего любимого, на светлячка на уровне её живота и его лица. И улыбается. Грустно и светло. Она благодарна ему, и теперь...

Теперь знает, что должна сделать. Смутное чувство, будто происходит что-то такое, что уже происходило раньше, давно, на мгновение охватило Олю. Эта мысль: она знает, что должна сделать... Но дежавю сразу исчезло, оставив её наедине с неизменившейся мыслью.

В первый раз посмотрев в зеркало, Оля увидела рассыпающееся сердце. Тогда она думала, что это её сердце. Так она думала... Но это было его сердце. Когда оно рассыпалось, Олино остановилось, поэтому она так и думала. Только её остановилось раньше, и этого она не знала. То, что она видела, была боль, разрушающая его сердце. Потому что он тоже её любит. Но кое-что эта боль разрушить не могла. И ника-

кая тьма не могла. Мягкий свет, который исходил из её живота. «...*По образу Нашему, по подобию Нашему*».

И он её отпустил. Хотя знал, что она никогда не вернётся. Сохранив любовь и память, отпустил её. Тогда Оля смогла подняться со стула. Тогда она задалась вопросом, ответ на который не знала: «*Что же это такое?*» Теперь знает. Он отпустил её, но она не отпустила его. Та она, которая по ту сторону света, ослеплённая безумной любовью.

Любимый... Нет, для тьмы это не любовь. И Оле плевать, что это. Но Оля, та, которую он отпустил, которая его *любит*, она не позволит и дальше его мучить. Она чувствует стыд и вину. Тьма коварна. Но теперь очередь Оли отпустить его. Она защитит его от себя. Какая-то её частичка всегда будет с ним, тот свет, который Оля ему подарила за то время, пока они были вместе. Пока *она* была с ним.

Оля поворачивается к другой себе. Вспоминая, как в её руках оказалась Библия в первый раз, она понимает, почему Книга так плавно и мягко это сделала. Руки были не Олины, как и всё тело, хоть и видела она себя. Не в этом мире, где она сейчас, а там, в том. Но она не могла управлять его руками. Библию тогда взял он. Как последнюю надежду. Вот почему Оле показалось, что она взяла Книгу в первый раз. Тьма не могла противиться тому свету, что вызвала вера в душе её любимого, в той её светлой части. Но не только поэтому. Чем ярче, тем темнее. Книга — ничто, если не верить. Тьма отступила от него, от её любимого, но только для того, чтобы

суметь манипулировать Олей. Это произошло как раз в тот момент, когда она смогла подняться. И тьма почти получила настоящий пир.

«Сейчас я смогу управлять собой», — думает Оля. Она знает это наверняка.

Задерживаться больше нельзя. Она подходит к себе, делает глубокий вдох, закрывает глаза и садится в ту же позу. Какое-то мгновение она просто сидит. Но она помнит: *задерживаться нельзя*. Открывает глаза и сразу видит своего застывшего любимого. В руках чувствуется тяжесть. Библия. Оле уже не нужно туда смотреть, и она не глядя захлопывает Книгу, которая сразу превращается в пыль. Её не волнует почему. Она знает, что времени у неё мало, — она на тёмной стороне. Пока ещё она может контролировать себя. Другую себя.

Оля быстро поднимается и подходит к зеркалу. Мысль простая: просто разбить его. В последний момент останавливается. Что будет, если его разбить? Или эта остановка — вмешательство тьмы? Нет, исключено. Она действует не так заметно. Оля просто хочет защитить всё то святое, что у неё есть. Она беспокоится о последствиях. И это не тьма. Это точно не тьма. Но она её ждёт. И Оля скоро придёт к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.